

Лиана Райт

Право на нощ

«Литнет»

2026

Райт Л.

Право на ночь / Л. Райт — «Литнет», 2026

У Ингрид Альтхольм хотят забрать сына. Не мечом и не ядом — бумагами, регламентами и словами о благе государства. У Рагнара Кроуфорда хотят забрать власть. Но двор выбрал для этого очень плохой момент. Потому что Ингрид — его бывшая боль. А он — мужчина, которого она так и не смогла простить. Чтобы спасти сына, Ингрид принимает помощь Рагнара. Чтобы удержать двор, Рагнар делает её своей женой. Теперь у них общий фронт и прошлое, которое так и не сгорело. Она — ведьма, королева-мать и катастрофа для его самообладания. Он — регент и маг, который уверен, что защитить можно только то, что держишь в руках сам. Им нужно пережить дворцовые интриги, давление брака и охоту на её материнство. Главное — не сорваться, не уничтожить друг друга и не признать, что этот брак давно перестал быть фиктивным там, где болит сильнее всего.

© Райт Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пролог

Снег на охоте всегда один и тот же — холодный, скрипучий, оседающий на одежде, седлах, гривах лошадей густым покрывалом.

Люди на охоте разные. В тот день они были слишком собранные. Слишком красивые. Слишком внимательные к тому, кто куда смотрит.

Я не любила охоты. Я ездила на них как на обязанность: рядом с королем, чуть позади, с улыбкой, которая должна означать “семья”. Меня учили держаться так, чтобы никто не видел, сколько внутри пустоты. И я научилась.

Я не научилась только одному: верить в случайности, когда вокруг столько свидетелей.

Эйнар ехал впереди. Плечи ровные, взгляд спокойный, как будто лес принадлежит ему так же, как корона. Я видела его профиль — и в какой-то момент подумала, что он выглядит почти молодым. Это была последняя мысль, в которой не было страха.

Потом всё случилось не так, как должно случаться на охоте.

Не “бах” и падение.

Тишина. Короткая, неправильная пауза, в которую я успела заметить чужие лица раньше, чем лицо Эйнара. У кого-то дрогнули пальцы на поводьях. Кто-то резко отвернул голову, будто ему показали то, что нельзя видеть. А кто-то... кто-то слишком быстро понял, что теперь надо делать.

Эйнар рухнул в снег тяжело. Белое стало красным. Лес не ахнул — он никогда не ахает.

Люди тоже не закричали сразу. Сначала сработало другое: кто-то уже наводил порядок, пока кровь еще растекалась по снегу.

— Несчастный случай, — сказал кто-то ровным тоном, и слово легло на всё сразу: на кровь, на тишину, на глаза, которые пытались не встречаться с моими.

Я запомнила не имя говорящего.

Я запомнила скорость, с которой это слово нашли. Будто оно лежало заранее, под рукой.

Меня не подпустили сразу. Меня вообще перестали замечать как человека. Я стала деталью в кадре: вдова, мать наследника, правильная фигура, которую нужно поставить на нужное место, чтобы история вышла приличной.

Я сидела в седле, пока мне кто-то говорил “держитесь” и “мы доставим” и “это страшно, но бывает”. Слова ударялись о меня и падали вниз, в снег, как мелкие монеты. Я смотрела на кровь на белом и думала только об одном: если они так быстро нашли “несчастный случай”, значит, у них уже есть всё остальное.

Во дворце я не плакала в коридорах.

Нельзя.

Я плакала только когда оставалась одна — и то не всегда, потому что одиночество здесь тоже не принадлежало мне.

Кайрен спал, когда меня привели в мои комнаты. Ему тогда было... ещё слишком мало, чтобы понимать, что отец не вернется. Я подошла к его кровати, коснулась теплого лба — и впервые за весь день почувствовала что-то похожее на землю под ногами.

Он проснулся ночью.

Не плачем — это было бы проще.

Он проснулся так, будто его кто-то выдернул из сна за горло. Горячий. Вялый. Глаза мутные, губы сухие.

Когда я взяла его на руки, он не обнял меня как обычно — просто повис, непривычно тяжелый, будто из него вынули живое тепло.

Сердце у меня сжалось от страха и боли.

Я не закричала.

Я не позвала полдворца.

Я сделала то, что умею делать лучше всего: закрыла дверь, отрезала лишние голоса и стала считать.

Кто заходил в детские после охоты.

Кто приносил воду.

Кто менял бельё.

Кто держал Кая на руках, пока я стояла рядом с телом Эйнара и была “правильной”.

Слуги скажут “это от нервов”.

Врач — “простуда”.

Канцелярские люди — “только не поднимайте тревогу”.

Я смотрела на ребёнка и знала: это не простуда. Не нервы. И тревога обоснована.

Это было похоже на дворцовые яды — те, что не убивают на месте, а ломают исподволь, чтобы ты до последнего верил, что это усталость, простуда, нервы — и что виноват сам.

Я подняла Кая выше, прижала к себе и вдохнула. От него пахло молоком, потом, детским теплом... и ещё чем-то чужим. Тонким, едва уловимым. Как будто на его коже была чужая рука.

Я пошла в маленькую комнату рядом с моими покоями — там, где я держала травы. Не “колдовство” для балов и красивых историй.

Работа.

Пахучие связки, настои, порошки, которые меня учили делать так, чтобы не убить, когда хочешь спасти.

Я работала быстро. В голове было пусто, как в мороз. Я делала только то, что надо: проверяла реакцию, слушала дыхание, удерживала температуру, не давая телу ребёнка уйти.

Магия пришла не как свет и не как песня.

Она пришла как боль.

Она всегда приходит так, когда делаешь что-то на пределе.

Сначала в ладонях появляется жар, потом он поднимается выше, в локти, в плечи, и кажется, что кости внутри становятся слишком хрупкими.

Дрожь в пальцах — не от страха, от того, что сила не хочет быть послушной.

Сила хочет вырваться.

Я удержала её. Потом потеряла на секунду — и комната будто качнулась. Огонь в лампах дрогнул. Тень у стены сдвинулась не так, как должна. Я услышала свой собственный вдох, резкий, как у человека, который выплывает из-под льда.

Я снова удержала.

Кай застонал. Я ненавидела этот звук больше, чем любой шепот дворца.

Я работала до рассвета.

В какой-то момент его жар начал спадать. Дыхание стало ровнее. Он перестал висеть у меня на руках этой чужой, безвольной тяжестью — и снова стал ребёнком, моим ребёнком. И тогда я впервые за ночь позволила себе выдохнуть.

Цена пришла сразу.

Голова стала тяжелой.

Пальцы не слушались.

Я сидела на полу у кровати, прижимая ладони к коленям, чтобы никто не увидел, как они дрожат. У меня было ощущение, будто по коже проходит мелкая судорога — и это будет продолжаться ещё долго, не день и не два.

Я знала этот откат. Я знала эту ломку.

Когда-то давно, ещё до короны, до брака, до того, как мою жизнь начали переписывать чужими решениями, я уже чувствовала похожее — но по другой причине. Рядом с одним человеком магия во мне становилась тише. Ровнее. Как будто кто-то держал моё дыхание вместе

со мной. Как будто тело наконец вспоминало, что такое не бороться каждую секунду. Потом этот человек исчез из моей жизни так, что мне даже не дали сказать “да” или “нет” до конца. И откат был не просто болью. Откат был тем, что делает тебя опасной: сила выходит из рук, ломает вещи, срывает сон, превращает сутки в серую дыру.

Я пережила это. Он — тоже. Я знала.

Я проглотила это воспоминание, как проглатывают слишком горький настой: быстро, без удовольствия, ради эффекта. Мне нельзя было думать о нём. Не сейчас.

Сейчас у меня был Кай.

И был дворец, который делал вид, что ничего не происходит.

Днём мне сказали правильные слова: наследник здоров, просто испугался, просто траур, просто осторожность. Я повторила их ровным голосом и держала улыбку так, будто она держит стены.

Я научилась жить так: говорить одно, делать другое, думать третье.

Я прожила так больше года. Я выжила. Я до сих пор иногда не понимаю как.

А потом, вечером, когда Кай уже спал — крепко, с ладонью под щекой, так, что хочется верить в мир, — в мои комнаты принесли пакет с печатью.

Печать была свежей. Бумага пахла воском — и чужими пальцами, которые держали её слишком уверенно.

Её протянули мне так, будто я не королева-мать, а строка в ведомости. Будто решение уже прожило где-то свою ночь — в теплых кабинетах, за закрытыми дверями, — и теперь пришло сюда только за моей подписью.

Я посмотрела на печать — и внутри у меня всё стало ледяным.

Слишком быстро.

Снова.

Я знала этот темп. Так двигаются только вещи, которые не обсуждают. Так оформляют то, что уже решено.

На этот раз это было не про траур.

Это было про меня.

Про то, как легко меня можно перевести из “матери наследника” в “жену кого-то”. Про то, как вежливо — почти ласково — меня могут вывести из дворца, не выгоняя. И оставить моего ребёнка здесь, среди улыбающихся лиц и чистых рук.

Я подняла глаза на человека, который принёс пакет, и поняла: он не ждёт ответа. Он ждёт, что я приму.

И в эту секунду мне стало ясно — если я сейчас ошибусь, совсем скоро я проснусь уже в чужой жизни.

И Кай проснётся без меня.

Глава 1

Печать я не сломала сразу.

Пакет лежал на столе так, будто это не бумага, а маленькое животное: если тронешь — укусит. Я стояла над ним, чувствуя, как во мне поднимается знакомое, злое спокойствие. Это не то спокойствие, которое даёт уверенность. Это то, которое приходит, когда ты понимаешь: сейчас всё будет делаться без тебя, и единственное, что тебе остаётся — не дать себя сломать.

Я провела ногтем по воску, разрезая печать аккуратно, почти нежно. Точно так же я иногда вскрывала повязку на ране ребёнка: не потому что мне приятно, а потому что я должна видеть, что под ней.

Внутри был лист с ровным почерком и ровными формулировками. Я пробежала взглядом первые строки и сразу почувствовала, как мороз проникает под кожу.

«...в целях стабильности...»

«...во избежание...»

«...в соответствии...»

Я прочитала ключевое вслух — не для того, чтобы услышать, а чтобы закрепить в воздухе, как закрепляют диагноз.

— «...заклучение брачного союза с утверждённым кандидатом...» — мой голос прозвучал ровно. — «...кандидат будет объявлен в установленном порядке».

Имени не было.

Ни подписи конкретного человека, ни даже намека.

Только печати Канцелярии Короны и имя канцлера Тормана внизу — как если бы это само по себе отвечало на все вопросы.

Дверь тихо скрипнула. Я не обернулась сразу — я знала, кто это. В моих покоях люди ходили осторожно, как по тонкому льду.

— Ваше величество... — голос был женский, молодой. Одна из тех, кто по долгу службы умеет быть невидимой.

— Скажи, что ты хотела сказать, — ответила я и только потом подняла взгляд.

Девушка замерла на пороге, держа руки сложенными перед собой.

— В коридорах говорят... что это... — она запнулась, — что это “решение”. Окончательное.

— Конечно, окончательное, — сказала я и вернулась к листу. — Иначе зачем им печать? Она сглотнула.

— Канцлер Торман просил передать... что завтра утром... будут ждать... ответа.

Я подняла взгляд снова.

— Ответа? — я слегка приподняла бровь. — Ты видишь здесь вопросительный знак?

Она покраснела, но не отступила.

— Они называют это... “согласованием формальностей”.

“Формальности”.

Я запомнила это слово ещё с тех времён, когда мои собственные желания можно было упаковать в красивый футляр и назвать “неподходящими”. Формальности — это то, чем убивают без крови.

— Поняла, — сказала я. — Иди.

Она сделала два шага назад, но всё же спросила — тихо, почти шёпотом:

— Ваше величество... имя... правда объявят позже?

Я посмотрела на неё так, что ей стало стыдно за вопрос.

— Имя объявят тогда, когда им будет удобно, — сказала я. — А мне удобно сейчас.

Она ушла, закрыв дверь мягко, будто боялась разбудить дом. Я снова опустила глаза на бумагу и прочитала ещё раз: “утвержденный кандидат”.

Значит, кандидат уже выбран. Значит, разговор не про “за кого”, а про то, как меня переводят в новую роль так, чтобы никто не назвал это насилием.

Я сжала лист так, что он хрустнул. Не потому, что хотела его уничтожить — потому, что некуда было деть силу, которая поднялась во мне волной.

Пальцы вспотели. Я почувствовала влажность на ладонях, холодный липкий след на воске, который остался на коже, и это почему-то разозлило меня сильнее всего — как будто даже мои руки уже не принадлежат мне, раз они реагируют не так, как я хочу.

— Тварь, — сказала я самой себе, и это слово было не про бумагу. Оно было про механизм.

Снаружи дворца кто-то мог бы решить, что я сейчас — слабая вдова, которая боится. Внутри дворца я не имела права на такое впечатление. Поэтому я сделала то, что умею: заставила дыхание стать ровным, плечи — прямыми, лицо — спокойным.

Я расправила лист на столе, разгладила его ладонью так, будто он не был смят. Будто я не оставила на нём следов.

Именно в этот момент в дверь снова постучали. Не осторожно, как раньше. Чуть увереннее.

— Войдите, — сказала я.

Вошёл мужчина.

Не слуга. Не солдат.

Канцелярский — по осанке, по тому, как он держал себя: будто его одежда — это власть, а не ткань. В руках у него не было оружия, но он всё равно выглядел опаснее многих с мечом.

— Ваше величество, — он поклонился ровно настолько, чтобы не унизиться. — Я приехал от Канцелярии Короны. Для уточнения сроков.

Я не предложила ему сесть. Он и не просил.

— Уточняйте, — сказала я.

— Завтра утром канцлер Торман ожидает вас для подтверждения получения документа. И... — он сделал паузу, — для обсуждения процедуры.

Я посмотрела на него и, не отрывая взгляда, медленно положила ладонь на лист. Под ладонью бумага была теплая от моих пальцев. Влажная чуть-чуть. Я чувствовала, как она поддается.

— Я получила, — сказала я.

— Прекрасно, — кивнул он. — Тогда завтра.

— Имя, — сказала я.

Он моргнул один раз.

— Прошу прощения?

— Вы слышали, — сказала я. — Имя утвержденного кандидата.

Он замолчал.

Это не было растерянностью. Это молчание было инструкцией: не отвечай.

— Имя будет объявлено в установленном порядке, — произнёс он наконец.

— Значит, в неустановленном вы его назвать не можете, — сказала я.

Он снова поклонился, уже чуть ниже. Не уважение — оборона.

— Ваше величество, я не уполномочен...

— Конечно, — оборвала я. — Вы уполномочены только приносить бумагу и уходить.

Он напрягся, но удержал лицо.

— Завтра, — повторил он и пошёл к двери.

— Передайте канцлеру, — сказала я ему в спину, — Что я не обсуждаю “процедуру”, пока не знаю, что именно мне предлагают подписать.

Он остановился на миг. Потом открыл дверь и ушёл.

Когда дверь закрылась, я снова посмотрела на бумагу. На следы от моих пальцев — почти незаметные.

Вдруг подумала: если они так уверены, что я соглашусь, значит, они уже посчитали мой страх.

Они считают меня предсказуемой.

Пусть.

Я подняла лист и снова сжала. На этот раз — аккуратно, чтобы не порвать. Чтобы он просто стал чуть менее “правильным”, чуть менее гладким. Как напоминание: я — не строка в ведомости.

Я снова читала документ так, как читают договоры в доме, где за улыбками прячут зубы. Не глазами вдовы. Глазами человека, который знает, что именно в формулировках прячутся ножи.

“Королева-мать” — красивое слово. Оно звучит так, будто у тебя есть власть. На деле это слово держится на двух вещах: на привычке двора и на том, что у тебя ребёнок. Пока ты — мать наследника, с тобой считаются. Пока ты — часть истории.

А “жена” — это слово, которым тебя можно вынести из истории, не выгоняя.

Я нашла нужный пункт быстро. Они всегда прячут нужное в середине, чтобы у тебя устали глаза.

“...в случае заключения брачного союза...”

“...статус...”

“...права и обязанности...”

Там не было прямого “вы лишаетесь”.

Они не были такими грубыми.

Там было “подлежит пересмотру”. “Подлежит уточнению”. “В соответствии с традицией”.

Традиция — это чужая рука на твоём горле, только в перчатке.

Я представила, как это будет выглядеть на практике. Не в словах — в коридорах.

— “Теперь вы не королева, ваше величество”.

— “Теперь вы супруга”.

— “Теперь вам не положено...”

И главное: “Теперь наследник... остаётся здесь.”

Меня не обязаны отправлять в ссылку. Меня можно оставить в дворце — и всё равно отрезать. Мягко. Вежливо. С “заботой”. С “режимом”.

Я поднялась и прошла по комнате, чувствуя, как тело гудит от усталости, как после долгой ночи, когда спасала Кая. Усталость была фоном — привычной. Но на фоне сейчас звенела другая нота: холодная ясность.

Если я подпишу не глядя, я подпишу себе новый распорядок жизни.

Снова стук в дверь. На этот раз мягкий, домашний.

— Войдите.

Это была старая служанка, та, что помогала мне ещё до того, как я стала “величеством”. Она принесла чай и поставила на стол, не поднимая глаз.

— Ваше величество, — сказала она тихо. — Вам надо есть.

— Я знаю, — ответила я.

Она постояла, будто хотела сказать что-то ещё, и всё же рискнула:

— Говорят... вам хотят подобрать... достойного.

“Подобрать”. Как ткань. Как украшение. Как новую роль.

— Достойного чего? — спросила я, и голос у меня был спокойный.

Она пожала плечами, не умея отвечать.

— Достойного... вас. И короны.

Я улыбнулась — правильно, так, как меня учили.

— Корона не нуждается в достоинстве, — сказала я. — Корона нуждается в послушании.

Служанка побледнела и быстро ушла, будто я её ударила. А я осталась у окна и подумала: если они так активно “подбирают” мне жизнь, значит, они уверены, что я не умею выбирать.

И вот здесь, в этой ясности, цель стала простой.

Мне не нужен был счастливый брак. Мне не нужен был новый муж.

Мне нужно было одно: чтобы мой ребенок просыпался и видел меня.

Чтобы ночью я могла открыть дверь детской без чьего-то разрешения.

Всё остальное — разговоры, титулы, улыбки — можно было пережить.

В коридоре я столкнулась с тем, чего ждала. У дворца есть свои законы: если ты получила удар, тебя обязательно заставят улыбнуться так, будто это ничего не значит.

Меня остановили у галереи, где обычно встречались те, кто считал себя лицом государства. Там пахло воском, дорогими тканями и чужой уверенностью. Среди них был и канцлер Торман — я узнала его сразу по тому, как он стоял: будто его не касаются ни снег, ни смерть, ни дети.

— Ваше величество, — сказал он и улыбнулся так, как улыбаются человеку, которого собираются поставить на место. — Рад видеть вас... в силе.

Я наклонила голову. Вежливо. Ровно.

— Канцлер.

Он сделал шаг ближе, оставляя остальным возможность слушать.

— Двор переживает, — произнёс он. — Но, к счастью, наследник здоров. Это важно, чтобы слухи...

Я услышала слово “слухи” и поняла: меня сейчас не утешают. Меня инструктируют.

— Разумеется, — сказала я.

— Вам следует быть осторожной в формулировках, — продолжил он мягко. — Люди любят драму. А государству нужна уверенность.

“Государству.” Так они называли себя.

— Государству нужна правда, — сказала я спокойно.

Его улыбка не дрогнула.

— Правда бывает разной, ваше величество. Есть правда личная. И правда государственная.

Я почувствовала, как во мне поднимается та же холодная злость, что сжимала бумагу. Но я держала лицо. Держала.

— Вы хотите, чтобы я сказала, что всё в порядке? — спросила я.

— Я хочу, чтобы вы сказали, что наследник здоров, — ответил он. — И что двор спокоен.

Я посмотрела на людей вокруг. На их внимательные глаза. На то, как они будто бы не слушали, но ловили каждое слово.

— Наследник здоров, — сказала я ровно.

Канцлер удовлетворенно кивнул, будто я сдала экзамен.

— Прекрасно. Это снимает лишние вопросы. Вы понимаете... в такие времена любые намеки...

— Я понимаю, — перебила я.

Он чуть приподнял бровь. Слишком смело — перебить канцлера. Но я была королевой-матерью. Пока.

— Тогда мы с вами договорились, — сказал он, и в его голосе было что-то неприятно дружелюбное. — Завтра утром я жду вас. Нам предстоит обсудить ряд... формальностей.

Формальности снова. Они любили это слово.

— Я приду, — сказала я.

— Вот и чудесно, — произнёс он, и его улыбка стала шире. — Мы все хотим вам добра, ваше величество.

“Мы.”

Я едва не рассмеялась.

Когда я вышла из круга их внимания, я услышала за спиной тихий шёпот:

— Бедная.

— Такая молодая.

— Надо же, как держится.

Я шла по коридору и думала: они запрещают мне правду, потому что правда — это оружие, которое они не контролируют.

Они хотят, чтобы я говорила их словами. Чтобы я стала их голосом.

А если я стану их голосом — я перестану быть собой.

И тогда им будет проще забрать у меня всё остальное. В том числе и право на моего ребёнка.

К детским вели два коридора: один парадный, по которому ходили те, кто хотел быть замеченным, и один тихий — для тех, кто делал работу.

Я всегда выбирала тихий. Не потому, что боялась людей. Потому что в парадном коридоре любая мать становится спектаклем.

У двери меня встретила няня. Она поклонилась быстро и улыбнулась так, как улыбаются человеку, которого уважают и боятся одновременно.

— Ваше величество. Он спит.

Слова “он спит” должны были бы звучать просто. Но в них было слишком много смысла. “Он спит” — значит, пока всё ещё моё. Пока ещё.

— Давно? — спросила я.

— Час, — ответила она. — Он сегодня был спокойный. Смеялся на прогулке.

Я кивнула. Мне хотелось увидеть его сейчас — не потому, что я сомневалась в няне, а потому, что мои руки должны были убедиться сами.

— Я ненадолго, — сказала я.

Няня отступила, открывая дверь.

Внутри было тепло. Запах детской — молоко, дерево, чистое бельё, травы, которыми я натирала ручки Кая в зимние дни, когда воздух становился сухим. Он лежал на боку, положив ладонь под щеку, и дышал ровно. Его волосы — светлее моих — выбивались из-под одеяла. Лицо было спокойным. В такие моменты дворец казался почти нормальным домом, и от этого становилось ещё страшнее.

Я подошла ближе, наклонилась, коснулась пальцем его лба. Тёплый. Нормальный. Живой.

— Мама... — пробормотал он во сне, не открывая глаз.

У меня внутри что-то сжалось. Сильнее, чем при разговоре с канцлером. Сильнее, чем при чтении бумаги.

— Я здесь, — прошептала я.

Няня стояла у двери, не шевелясь. Я повернула голову.

— Кто сегодня дежурил? — спросила я негромко.

— Я и Астрид, — ответила она. — Как обычно.

— Никого нового?

Она чуть замялась.

— Нет, ваше величество.

Эта пауза была слишком маленькой для лжи и слишком большой для правды. Я заметила её и запомнила.

— Хорошо, — сказала я. — Если он проснется ночью... ты знаешь.

— Да, — быстро ответила няня. — Мы сразу позовем вас.

Это было правильно сказано. Но я всё равно услышала: “мы позовём”. Не “вы придёте”. В дворце разница между этими фразами была разницей между властью и милостью.

Я ещё раз посмотрела на Кая и заставила себя отступить. Уходить от спящего ребёнка всегда сложнее, чем от совещания. Потому что совещание — это театр, а ребёнок — это правда.

У двери я остановилась и спросила уже совсем тихо:

— Скажи мне честно. С ним всё хорошо?

Няня подняла глаза. В них было искреннее человеческое.

— Сегодня — да, ваше величество.

“Сегодня.”

Я улыбнулась ей, и улыбка вышла почти настоящей.

— Тогда пусть спит, — сказала я. — И ты тоже... если сможешь.

Она чуть дрогнула, как будто я дала ей разрешение быть человеком, а не частью режима.

Я вышла из детских и почувствовала, как холод коридора снова ложится на плечи. Детские рядом. Не дверь-в-дверь. Достаточно близко, чтобы я слышала каждое шуршание. И достаточно далеко, чтобы однажды кто-то мог встать между мной и этой дверью.

Глава 2

На столике у стены лежала папка. Не моя. Бумаги с печатями. Перья. Список.

Над папкой склонилась женщина в строгом платье — одна из канцелярских. Она не выглядела важной. Именно поэтому была опасной. Она подняла глаза, увидела меня — и тут же улыбнулась.

— Ваше величество.

— Что это? — спросила я.

Она сделала вид, что удивилась вопросу.

— Обычные формальности. Пересмотр распорядка, чтобы... — она поискала слово, — Чтобы всё было в порядке в переходный период.

Переходный период. Они уже говорили так, будто моя жизнь перешла куда-то без спроса.

— В порядке для кого? — спросила я.

Женщина чуть напряглась, но держала улыбку.

— Для двора. Для ребёнка. Для вас.

— Для меня? — я слегка наклонила голову. — Вы уверены, что умеете различать “для меня” и “вместо меня”?

Её улыбка стала тоньше.

— Ваше величество, мне поручено...

— Вам поручено выполнять, — сказала я. — А мне поручено быть матерью. Не мешайте мне выполнять моё.

Она открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из-за поворота показался один из стражников. И женщина мгновенно изменилась: снова стала обычной, маленькой, “просто выполняющей”.

— Мы никому не мешаем, — произнесла она мягко. — Мы следим за порядком.

Порядок. Это слово здесь означало, что кто-то другой держит ключи.

Я посмотрела на папку. На список. На перья.

— Чьи распоряжения? — спросила я.

— Канцелярии Короны, — ответила она сразу, слишком уверенно. — Канцлер Торман заботится о том, чтобы перемены... не повлияли на наследника.

Я услышала “перемены” и поняла: они говорят не только о моем браке. Они говорят о том, что будет после завтрашнего разговора.

— Перемены всегда влияют на наследника, — сказала я. — Просто не всегда вы замечаете цену.

Женщина поклонилась.

— Я передам канцлеру, что вы интересовались.

“Интересовались.”

Как будто я любопытная сплетница, а не мать.

— Передайте, — сказала я. — И еще передайте, что если кто-то тронет распорядок детских без моего ведома — это будет не формальность.

Она снова улыбнулась, уже с осторожностью.

— Разумеется, ваше величество. Мы действуем... в рамках.

В рамках чего? Моей жизни?

Я ушла, чувствуя, как дворец вокруг меня становится чуть теснее. Не потому, что стены сдвинулись. Потому что кто-то начал расставлять между мной и моим ребёнком бумажные перегородки — тонкие, аккуратные, почти невидимые.

И я знала: если я позволю им вырасти, потом их будет невозможно сломать без крови.

В своих комнатах я закрыла дверь и на секунду прислонилась к ней лбом. Просто чтобы не упасть. Не потому, что я слабая — потому, что тело тоже имеет право говорить, когда я слишком долго молчу.

Я сняла перчатки, посмотрела на руки. Они дрожали едва заметно. Тело помнило прошлую зиму, помнило ночи у кровати Кая, помнило страх и магию, которая болит. Оно не забывает, даже если ты делаешь вид.

Я подошла к зеркалу. Свет лампы делал лицо старше, чем двадцать семь. Я увидела тонкую седину у виска — прядь, которую я прятала, как прячут слабое место на доспехе. Я подняла руку и автоматически поправила волосы так, чтобы белый отсвет стал незаметен.

И тут же разозлилась на себя. Не на седину — на то, что я до сих пор играю.

— Хватит, — сказала я вслух, и голос прозвучал тише, чем я хотела.

Снаружи я была “величеством”.

Снаружи я говорила канцлеру правильные слова.

Снаружи я знала, куда смотреть, когда улыбаюсь, чтобы люди думали: я в порядке.

Внутри я хотела выйти в лес. Не на прогулку.

Уйти туда, где нет воска, нет печатей, нет шёпота.

Встать между деревьями и закричать так, чтобы воздух разорвался. Чтобы тело наконец перестало держать всё это внутри.

Я не могла.

Я не имела права.

Я опустилась в кресло и взяла документ снова. Бумага была помята, но всё равно оставалась слишком “правильной”. В этой правильности было что-то издевательское. Люди могут умирать. Дети могут болеть. А формулировки остаются гладкими.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала я.

Это была та же служанка с чаем. Она поставила поднос и осторожно спросила

— Вы будете ужинать?

— Нет.

— Тогда... хотя бы выпейте.

Я взяла чашку в руки.

Тёплое. Нормальное. Простое. С понятным запахом, не вызывающим тревоги и опасений.

Я почти забыла, что такие вещи существуют.

— Сколько людей сегодня ходило по коридорам? — спросила я, не глядя на неё.

Служанка помялась.

— Много. Канцелярские... шепчут.

— О чём?

Она опустила глаза.

— О вас.

Я усмехнулась. Это было так банально, что стало смешно.

— Пусть шепчут, — сказала я. — Пока шепчут, не кусают.

Служанка посмотрела на меня — в её взгляде было что-то вроде жалости.

— Ваше величество... вы устали.

— Да, — ответила я честно. — Но это никого не волнует.

Она хотела сказать что-то еще, но передумала. Ушла, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна. И снова почувствовала: если я сейчас расслаблюсь, если позволю усталости взять верх — меня действительно можно будет вынести из собственной жизни одной печатью.

А я не собиралась быть удобной.

Документ лежал передо мной, и каждое слово в нём было чужим.

Чужое решение. Чужая логика. Чужая забота.

Я провела пальцем по строчке “утверждённый кандидат” и вдруг поймала себя на старом ощущении — как тогда, в конце учёбы, когда мир вокруг меня начал двигаться быстрее, чем я могла думать.

Мне не позволяли выбирать никогда. Мне позволяли *соглашаться*. Это разные вещи.

“Ты должна.”

“Так будет лучше.”

“Семья знает.”

“Корона требует.”

Я ненавидела эти фразы так же, как ненавидела слово “формальности”. Потому что они звучат мягко, а делают тебя вещью.

Я поднялась и прошлась по комнате, чтобы не сидеть на месте, как на допросе. Внутри копилась злость — не горячая, а сухая.

И тут я поймала себя на мысли, которая была опаснее злости: если я сейчас не начну действовать, то через неделю я буду обсуждать распорядок своей жизни с людьми, которые никогда не держали моего ребёнка на руках.

— Не подпишу вслепую, — сказала я вслух.

Слова прозвучали твёрдо. Это было важно. В дворце твёрдость — это валюта.

Снова стук. На этот раз быстрый, короткий.

— Войдите.

Вошла одна из младших служанок. В руках у неё был маленький свёрток — тонкая ткань, как будто она несла не вещь, а секрет.

— Ваше величество... это из Канцелярии. Просили передать.

— Уже передали, — сказала я, кивая на документ.

— Нет... это другое.

Я взяла свёрток. Развернула. Внутри был маленький список — короткий, аккуратный. Пункты. Время. Кабинет канцлера.

“Завтра. Утро. Обсуждение.”

Я посмотрела на служанку.

— Кто дал?

— Канцлер Торман... через госпожу... — она замялась. — Я не знаю имя.

Госпожу. Канцелярские всегда “госпожи”. Лица без лица.

— Понятно, — сказала я. — Иди.

Она ушла, оставив меня с двумя бумажками.

Одна — приговор. Другая — расписание казни.

Я села и сложила список рядом с документом. Две разные бумаги. Один смысл.

Я подумала о семье — о тех, кто когда-то решил, что моё “да” не имеет значения. О тех, кто сейчас снова решает, что моя жизнь — разменная монета.

И впервые за долгое время я почувствовала не только усталость. Я почувствовала желание укунить.

Не ради мести. Ради выживания.

Я вернулась к детским уже под вечер — в тот час, когда дворец делает вид, что успокаивается. Перед сном у меня всегда был один и тот же порядок: увидеть Кая, услышать его дыхание, убедиться, что двери закрыты так, как я считаю правильным.

Сегодня это было не утешение.

Это была проверка.

Мне нужно было знать, не начал ли кто-то двигать мой мир, пока я стояла в галерее и улыбалась канцлеру.

Коридор был почти пуст. Лампы горели низко, в полумраке всё кажется мягче, чем есть. У двери детских стоял стражник, которого я не видела раньше.

Новый. Молодой. Со слишком прямолинейным взглядом.

Он заметил меня и поклонился.

— Ваше величество.

— Кто ты? — спросила я.

Он моргнул, явно не ожидая.

— Стражник Хельге, ваше величество. Назначен сегодня... на ночную смену.

“Назначен сегодня.” Это слово ударило мне в висок.

— Кем?

Он выпрямился ещё сильнее.

— По распоряжению... старшей служанки детских. Госпожи Брин.

Фрида Брин. Я знала её в лицо — сухую, аккуратную, всегда “по делу”, из тех, кто умеет стать частью распорядка так, что ты перестаёшь замечать, когда именно она начала решать. Раньше я считала её просто удобной: руки на месте, язык за зубами. Теперь её имя звучало иначе. Не как человек. Как рычаг.

— Госпожа Брин не назначает стражников, — сказала я спокойно.

Хельге сглотнул.

— Мне сказали, что это... временно. Для порядка.

Порядок снова. Как молитва.

— Открой дверь, — сказала я.

Он замялся, и эта пауза была уже не маленькой. Она была опасной.

— Ваше величество... — начал он.

Я смотрела на него молча. Молчание в дворце — тоже власть. Я не повышала голоса. Я просто ждала, пока он поймёт, что выбор у него очень простой: либо он сейчас открывает дверь, либо завтра у него не будет работы.

Он потянулся к ключу и открыл.

Внутри было тихо. Няня сидела у стены, голова опущена. Она подняла глаза, увидела меня — и в её взгляде мелькнуло облегчение, которое быстро превратилось в страх.

— Ваше величество... я думала, вас предупредили.

— О чём? — спросила я.

Она посмотрела на дверь, словно боялась, что стены слушают.

— Сегодня... приходила госпожа Брин. Сказала, что... будет новый порядок ночных смен. И что стражник...

— Новый порядок, — повторила я.

Няня кивнула.

— Она сказала: “для безопасности”. И просила... — няня запнулась, — Просила записать в журнал, что вы... что вы не приходили ночью.

Я почувствовала, как холод поднимается по позвоночнику.

— Покажи журнал, — сказала я.

Няня достала книгу из стола. Я пролистала страницы. Чистые строки. Аккуратный почерк. Пустое место для записи “мать посещала ребенка”.

Они уже готовили бумагу. Уже готовили версию. Уже готовили привычку.

— Кай спит? — спросила я, не отрывая взгляда от журнала.

— Да, — прошептала няня. — Он сегодня спокойный.

Я подошла к кровати. Кай дышал ровно. Я наклонилась, коснулась его руки. Тёплая. Живая.

Я выпрямилась и посмотрела на няню.

— Ты ничего не записываешь без моего слова, — сказала я.

Она кивнула быстро, как человек, который давно хотел услышать приказ.

Я вышла в коридор и посмотрела на нового стражника.

— Завтра утром ты доложишь, кто тебя назначил и кто дал ключ, — сказала я.

Он побледнел.

— Да, ваше величество.

Я пошла обратно в свои комнаты и чувствовала, как внутри всё становится ясным: они ещё даже не назвали имя моего “кандидата”, а уже начали строить между мной и ребёнком первые стены.

Вернувшись, я не села. Я вообще не могла сидеть. Внутри было слишком много движения, и оно требовало действий, иначе превратилось бы в панику.

Я взяла маленькую карточку — ту, на которой можно написать одно имя и одно слово, и человек поймет.

Дворец живёт такими вещами: короткими сигналами, потому что длинные разговоры тут всегда подслушивают.

Я написала: “Сигрид. Сейчас.”

Поставила точку. Не вопрос, не просьба.

Служанка, которая ждала у двери, приняла карточку, не читая. Так было правильно.

— Передай так, чтобы никто не заметил, — сказала я.

Она кивнула.

— Да, ваше величество.

— И ещё, — я посмотрела на неё. — Если кто-то спросит, где я... ты скажешь, что я устала и легла.

Она снова кивнула, чуть быстрее. Её тоже учили.

Когда дверь закрылась, я вернулась к столу. Документ о браке лежал рядом со списком “завтра утро”. Воск на печати всё ещё пахнул чужой уверенностью. А в голове у меня уже складывалась карта: Канцелярия Короны, канцлер Торман, госпожа Брин в детских, новый стражник, журнал.

Они действовали аккуратно. Они ещё не ударили. Они просто начали сдвигать правила так, чтобы завтра это выглядело как “так и было”.

И это было хуже удара, потому что заборы строят так, чтобы потом тебе объяснили, что ты сама выбрала жить за ними.

Я подошла к зеркалу снова, автоматически поправила волосы у висков, пряча седину.

Дурацкий жест — привычка. Я остановила руку на полпути.

“Хватит прятаться”, — подумала я.

Я повернулась к двери и прислушалась. Коридор молчал. Но молчание во дворце никогда не бывает пустым.

Я знала: этой ночью я не усну. Не потому, что я тревожная. Потому что завтра утром они ждут меня у канцлера — с улыбками и формальностями.

А сегодня ночью мне нужно знать имя. Нужно знать, кто стоит за “утвержденным кандидатом”. Нужно знать, кто двигает детские.

Мне нужны уши.

И мне нужен человек, который умеет ходить по дворцу так, что его не видят.

Я подошла к столу и ещё раз сжала бумагу — совсем чуть-чуть, чтобы почувствовать, что я всё ещё могу сжимать что-то в этом мире.

Затем разжала.

И стала ждать шагов Сигрид в коридоре.

Глава 3

Я не зажигала верхний свет.

В моих комнатах ночью хватало одной лампы — низкой, тёплой, такой, чтобы тени оставались в углах и не просились в свидетели.

Я сидела у стола, положив ладони на край, и пыталась выровнять дыхание.

Это было смешно: я могла удерживать магию, когда она пыталась вырваться из рук, но мне приходилось удерживать себя, когда люди пытались переписать мою жизнь одним листом бумаги.

Шаги в коридоре я слышала раньше, чем стук. Сигрид умела ходить так, будто её нет. Дворец не замечал таких — а я замечала.

Дверь приоткрылась на ладонь.

— Ваше величество, — сказала она тихо.

— Не здесь, — так же тихо ответила я. — Закрой.

Сигрид вошла и закрыла дверь мягко, без щелчка.

Она не поклонилась глубоко, как слуги. Она сделала короткое, почти незаметное движение головой — знак, который был только между нами: “я своя”.

Она была в простом темном платье, без лишних лент, волосы убраны так, чтобы ничего не цеплялось. В её лице не было красоты, которой можно торговать на балах. В её лице была полезность: внимательные глаза, спокойный рот, руки, которые знали, что такое держать язык за зубами.

— Кай? — спросила я сразу.

Сигрид не удивилась.

Она всегда понимала, что у меня есть только одна мера “все еще держится”.

— Спит, — ответила она. — Дышит ровно. Няня на месте. Я проверила.

Я кивнула — один раз, как человек, который не имеет права позволить себе облегчение.

Сигрид посмотрела на стол.

На документ. На список “завтра утро”. На смятый край бумаги, который я всё-таки не смогла разглядеть идеально.

— Пакет пришёл, — сказала она.

— Пришёл, — ответила я. — Имени нет.

Сигрид чуть прищурилась.

— Знаю.

— Откуда?

Она пожала плечами — минимально, так, чтобы это не выглядело как жест.

— Коридоры.

Я усмехнулась без веселья.

— Коридоры не подписывают документы.

— Но они знают, что в документах, еще до того, как ты их развернёшь, — ответила Сигрид. И это прозвучало не как сплетня. Как правило.

Я откинулась на спинку кресла, не позволяя себе расслабиться.

— Говори.

Сигрид сделала шаг ближе — не вежливость, а чтобы её голос не ушёл в стену.

— Они говорят про тебя так, как говорят про вещь, которую уже поставили на новое место, — сказала она. — И про детские — тоже.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось, но лицо осталось ровным.

— Про детские что?

Сигрид посмотрела мне прямо в глаза.

— Завтра будет “порядок”. Новый.
Слово “порядок” прозвучало как нож.

— Значит, ночь у нас короткая, — сказала я.

Сигрид кивнула.

— Именно поэтому я здесь.

И я вдруг поняла: это не просто разговор. Это начало моей ночной войны, в которой нельзя кричать и нельзя ошибаться.

— Завтра, — повторила Сигрид, словно пробовала слово на вкус. — Завтра официально объявят регента.

У меня внутри что-то холодно щелкнуло. До сих пор “регентом” была Канцелярия Короны: канцлер Торман и его папки, его улыбки, его “в установленном порядке”.

Это было отвратительно, но знакомо — с бумагой можно спорить, бумагу можно тянуть, бумагу можно рвать на маленькие куски и делать вид, что всё ещё дышишь.

Регент — это другое. Это не папка. Это человек, который берёт ключи.

Я не спросила “какого”. Я спросила то, что имело значение.

— Во сколько?

Сигрид чуть подняла брови — на секунду. Ей нравилось, что я не впадаю в истерику.

— К полудню, — ответила она. — Если не ускорят. У них сейчас всё... ускоряется.

Я посмотрела на список “завтра утро”, который принесли мне от канцлера, и почувствовала, как две линии сливаются в одну.

— Они зовут меня к Торману утром, — сказала я.

— Да, — сказала Сигрид. — Потому что утром им нужно оформить тебя. Тихо, без публички: твой статус, твою “личную жизнь”, твои рамки. Чтобы к полудню, когда они покажут регента, ты уже стояла в нужном месте — и не могла устроить им вопросов своим существованием.

— Вопросы для кого?

— Для тех, кто слушает, — ответила она. — Для тех, кто боится. Для тех, кто делает вид, что верит.

Я провела пальцем по краю бумаги.

— Официально, значит, будет объявление, — сказала я. — А неофициально?

Сигрид чуть наклонилась вперёд.

— Неофициально уже знают.

— Кто?

— Все, кто имеет право знать, — ответила она. — И те, кто думают, что имеют.

Я выдохнула медленно.

— Ты уверена, что это не игра? — спросила я.

Сигрид не спешила отвечать. Это было её качество: она не говорила, пока не была уверена, что слово не будет стоить головы.

— Игра, — сказала она наконец. — Но не в ту сторону, где тебя можно просто “припугнуть”. Это игра, где ты должна сделать шаг сама. Ошибочный. И они ждут.

Я подняла взгляд.

— И что будет ошибочным?

Сигрид улыбнулась без радости.

— Почти всё.

В этом была правда дворца: он устроен так, чтобы любой твой шаг можно было назвать неправильным, если кому-то это нужно.

Я закрыла глаза на секунду. Не чтобы убежать. Чтобы поставить внутри точку.

— Значит, завтра меня позовут “обсуждать формальности” и одновременно покажут нового регента, — сказала я. — И все будут смотреть, как я держусь.

— Да.

— И параллельно в детских введут “порядок”, — добавила я.

— Да, — повторила Сигрид.

Я открыла глаза.

— Это слишком много на один день.

Сигрид тихо фыркнула.

— Слишком много — значит, они торопятся. Когда торопятся, ошибаются.

Я посмотрела на неё и поняла, что она права. Скорость — единственная слабость системы. Они уверены, что я буду медленнее.

— Тогда у нас есть ночь, — сказала я.

— Есть, — сказала Сигрид. — Если мы не потратим её на страх.

Я улыбнулась — почти.

— Страх у меня в теле. Я его никуда не дену. Но я могу не отдавать ему руки.

Сигрид кивнула. Это было наше согласие.

— Тогда слушай, — сказала я. — И отвечай честно.

Она чуть выпрямилась.

— Завтра объявляют регента... потому что король мертв, а наследник мал. Это понятно. Но почему так быстро?

Сигрид посмотрела на меня, и в её взгляде было то, что я узнавала сразу: “потому что им нужно успеть раньше тебя”.

— Потому что кто-то уже решил, — сказала она. — И теперь просто двигает бумагу.

Я чуть наклонила голову.

— Кто именно, Сигрид? Кто регент?

Она помолчала — ровно столько, сколько нужно, чтобы слово не стало слухом. Потом вздохнула, как перед холодной водой. Будто имя весило больше, чем титул.

— Рагнар Кроуфорд, — сказала Сигрид тихо.

Комната не изменилась. Лампа продолжала гореть. Тени продолжали лежать на углах. Но внутри у меня будто кто-то щелкнул замком.

Я почувствовала это не как мысль, а как телесный удар: короткая пустота под ребрами, будто у меня забрали воздух, и тут же — обратная волна, в которой магия внутри стала слишком ясной, слишком живой, слишком близкой.

Я не двинулась. Я не позволила лицу дрогнуть. Но пальцы на краю стола сжались сильнее.

Сигрид заметила. Она всегда замечала то, что я хотела спрятать.

— Ты знала его? — спросила она осторожно.

Я посмотрела на неё.

— Я пересекалась с ним, — сказала я так ровно, будто говорила о погоде.

Внутри, под ровностью, была другая правда. Не романтическая, не сладкая. Правда ожога: “почти”. Правда того, что мне не дали договорить. Правда газет, чужих решений и собственного тела, которое помнит ломку.

— Откуда уверенность? — спросила я, цепляясь за разум, как за поручень на лестнице.

Сигрид ответила сразу:

— Его имя уже звучит в тех местах, где имена не звучат, пока всё не решено.

— Это объяснение, — сказала я. — Не источник.

Сигрид чуть улыбнулась — на миллиметр.

— Источник — секретарь Тормана. Не сам. Его человек. Он сегодня слишком много говорил и слишком мало думал.

— Он сказал “Кроуфорд”?

— Не сказал, — ответила Сигрид. — Он пошутил. Сказал кому-то в коридоре: “Теперь у нас будет порядок, как в шахтах”. И засмеялся. А потом добавил: “Крот наведёт.”

Я услышала слово “крот” — и внутри у меня снова щелкнуло. Это слово было не из дворца. Оно было из другого времени. Из времени, когда можно было дразнить — и это не означало войну.

Я заставила себя дышать.

— Они называют его так? — спросила я.

— Те, кто считает себя умнее, — сказала Сигрид. — Те, кто думает, что у него нет ушей. Я не уверена, что они правы.

Я посмотрела на неё, и мне захотелось спросить: “Почему именно он?” Но вопрос был бесполезным. В дворце “почему” не имеет смысла. Здесь имеет смысл только “как”.

— Если это правда, — сказала я, — то...

Я не закончила. Потому что “то” было слишком большим.

То — значит, регент будет колдуном. То — значит, он будет понимать то, что остальные боятся назвать. То — значит, он не просто функция, он сила. И то — значит, он будет рядом со мной слишком близко.

— Ты думаешь, это вброс? — спросила Сигрид, снова осторожно.

Я сжала пальцы и отпустила.

— Я думаю, — сказала я, — Что это может быть вброс. И я думаю, что это может быть правда. И я не буду вести себя так, будто мне подарили ответ.

Сигрид кивнула. Ей нравилась эта логика.

— А ты... — она запнулась, — Ты... не рада?

Я посмотрела на неё так, чтобы вопрос исчез.

— Радость — это роскошь, — сказала я. — У меня есть только расчет.

Сигрид отвела глаза первой.

И в этом тоже был расчёт: она понимала, что мое лицо сейчас — не место для разговоров о прошлом. Но моё тело всё равно разговаривало без слов. Оно помнило имя. Оно реагировало. Это было опаснее любого слуха.

— По правилам так не делают, — сказала Сигрид после паузы. — Даже если очень надо.

Я подняла взгляд.

— Какие правила? — в моем голосе прозвучала злая ирония.

— Официальные, — ответила она. — Даты. Подписи. Согласования. Ты сама знаешь. Канцелярия любит, когда всё красиво.

— Канцелярия любит власть, — сказала я. — Красота — это только упаковка.

Сигрид усмехнулась.

— Да. Но упаковку они тоже любят. А тут... — она развела руками, — тут упаковку рвут, лишь бы успеть.

Я почувствовала, как пазл в голове складывается.

— Значит, кто-то заплатил, — сказала я.

Сигрид посмотрела на меня.

— Заплатил, — подтвердила она. — Не монетой.

— Долгами, — сказала я.

— Услугами, — добавила она.

— Людьми, — сказала я.

Сигрид не ответила. Это молчание было ответом.

Я встала и прошлась по комнате. Мне было легче думать, когда тело двигалось.

— Если они ускоряют процедуру, значит, кто-то боится, что я успею, — сказала я.

— Успеешь что? — спросила Сигрид.

— Встать поперёк, — ответила я.

Сигрид кивнула.

— Да. И ещё... — она замялась, но всё же сказала: — Они боятся, что ты уйдёшь в тень. Что ты сделаешь что-то... своё.

“Своё.” В дворце это звучало как угрозу.

— Я уже делаю своё, — сказала я. — Каждый раз, когда ночью встаю к ребёнку. Каждый раз, когда закрываю дверь.

Сигрид подняла подбородок.

— И они хотят это забрать.

Я остановилась у окна. Снаружи двор был белый, тихий. Внутри — всё шуршало.

— Канцлер Торман, — сказала я. — Госпожа Брин. Новый стражник. Журнал. Теперь — Кроуфорд.

Сигрид слушала, не перебивая.

— Слишком много ниток, — сказала я.

— Значит, кто-то плетёт, — ответила она.

Я повернулась к ней.

— Кто?

Сигрид задумалась на мгновение.

— Хальвард, — сказала она наконец.

Имя прозвучало как плевок.

— Ты уверена?

— Не уверена, — честно ответила Сигрид. — Но... когда звучит “безопасность государства”, когда начинают лезть в детские и когда торопятся с регентом — это обычно его запах.

Я почувствовала, как злость поднимается и тут же превращается в холод.

— Он не любит магию, — сказала я.

— Он не любит то, что не может контролировать, — поправила Сигрид.

Я усмехнулась.

— Тогда он должен ненавидеть и меня.

Сигрид не стала спорить. Она знала, что дворец не устроен для спорящих.

— Он будет говорить, что наследник здоров, — продолжила она. — Что всё ради стабильности. Что мать... — она замялась, — что мать должна быть “правильной”.

Я фыркнула — тихо, почти беззвучно.

— Если Хальвард мечтает о “правильной” матери, — сказала я, — значит, он очень про считался с выбором регента.

Сигрид подняла на меня глаза. В них мелькнуло что-то между тревогой и уважением.

— Ты думаешь, Кроуфорд ему не по зубам?

— Я думаю, — сказала я ровно, — что Хальвард привык, что люди вокруг него делают вид, будто не видят правды. Кроуфорд... — я выдохнула, не давая имени стать лишним, — не из тех, кто делает вид.

Сигрид помолчала.

— Это может быть хорошо, — сказала она наконец. — И может быть очень опасно.

— В этом дворце всё, что хорошо, опасно по умолчанию, — ответила я. — Просто иногда это единственный шанс не умереть красиво.

Я снова взглянула на документ без имени.

— Они хотят, чтобы я стала удобной через брак, — сказала я.

Сигрид кивнула.

— И чтобы у ребёнка было меньше... твоего.

Я подняла руку, словно хотела что-то ударить. Но ударить было некого.

— Сигрид, — сказала я. — Допусти, что имя регента — вброс.

Она не удивилась. Она знала, что я всегда держу вторую линию.

— Допускаю, — ответила она.

— Зачем?

Сигрид подумала.

— Чтобы ты отреагировала. Чтобы ты сорвалась. Чтобы ты пошла к канцлеру и сказала то, что он потом использует против тебя.

— Например? — спросила я.

Сигрид подняла взгляд.

— Например, ты скажешь: “я не приму Кроуфорда”. Или просто покажешь лицом, что ты уже знаешь. И этим признаешь, что тебя можно вести слухами. Что ты... — она поискала слово, — Что ты не контролируешь себя.

Я почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Они умеют делать из моей реакции доказательство моей вины, — сказала я.

— Да, — ответила Сигрид спокойно. — Это их ремесло.

Я кивнула.

— Тогда мы делаем так, — сказала я. — Завтра я веду себя так, будто не знаю ничего, кроме одного: они лезут в детские. Я не спорю с именами. Ни регента, ни жениха — кого бы они мне ни подсунили. Я спорю про доступ.

Сигрид кивнула медленно.

— Это единственное, что ты можешь удержать, даже если они решат всё остальное.

— Именно, — сказала я. — Пусть выбирают мне мужа хоть из конюшни. Кай всё равно просыпается со мной — или не просыпается вовсе. Вот об этом мы и будем говорить.

Сигрид чуть улыбнулась — это была её форма одобрения.

— Умно, — сказала она.

— И если это правда, — добавила я, — то я всё равно буду готова.

Сигрид наклонилась ближе.

— И как ты будешь готова?

— Я буду готова к тому, что он — регент, — сказала я. — И к тому, что он колдун. Это меняет правила — не потому что “страшно”, а потому что такие, как Торман, не любят, когда в комнате появляется сила, которую нельзя оформить печатью. И я не дам им увидеть, что я это понимаю.

Сигрид приподняла бровь.

— Ты сможешь?

Я посмотрела на неё.

— Я прожила больше года, делая вид, что мой ребёнок “здоров”, — сказала я. — Я могу прожить ещё день, делая вид, что мне всё равно.

Сигрид молча кивнула. Она знала цену этого “могу”.

Я выдохнула.

— Значит, — сказала я, — Мы действуем так, чтобы выиграть при любом исходе.

— Да, — сказала Сигрид.

Я взяла лист “завтра утро” и положила рядом с документом.

— Завтра канцлер ждёт меня “обсуждать процедуру”, — сказала я. — А я буду обсуждать только одно: кто имеет право вставать между мной и детскими.

Сигрид чуть наклонила голову.

— Они попытаются.

— Пусть, — сказала я.

Она смотрела на меня внимательно.

— Тебе страшно? — спросила Сигрид тихо.

Вопрос был слишком человеческий для дворца. Поэтому он и был опасен.

— Да, — ответила я. — Но страх — не повод отдавать ребёнка.

Сигрид отвела взгляд, будто это было слишком прямое признание.

— Тогда делай ход, — сказала она.
И я сделала.

Глава 4

Повисшая пауза дала мне воздух. Холодный, зимний, такой же был когда погиб мой муж.
— Иди в детские, — сказала я наконец. — Не показывайся. Посмотри, кто на ночной смене. Кто у дверей. Кто держит ключи.

Сигрид кивнула сразу, без вопросов.

— Если увидишь госпожу Брин — не вступай в разговор, — добавила я. — Просто запомни, где она и с кем.

— Поняла, — сказала Сигрид.

— И ещё, — я подняла палец, — Журнал.

Сигрид прищурилась.

— Они уже начали?

— Да, — сказала я. — Они хотят, чтобы завтра было “как всегда”. Чтобы завтра они могли показать запись и сказать: “мать не приходила ночью”.

Сигрид кивнула.

— Я посмотрю.

Она повернулась к двери.

— Подожди, — остановила я её. — Возьми с собой это.

Я протянула ей узкую ленту с моей маленькой печатью — не для документов, для дверей. Те, кто должен, понимали её без слов.

Сигрид взяла и спрятала в рукав.

— Это риск, — сказала она.

— Риск — это завтра, — ответила я. — Ночью у нас ещё есть движение.

Сигрид ушла так, будто растворилась. Я осталась одна и стала считать время.

Пять минут.

Десять.

Пятнадцать.

Я не ходила по комнате. Я сидела и слушала. Умение слушать — тоже магия, только без обращения к пульсирующему резерву в груди.

Когда Сигрид вернулась, её лицо было всё таким же спокойным, но глаза стали чуть темнее.

— Новый стражник у двери, — сказала она сразу. — Тот, которого ты видела. Ему дали ключ. И ему дали указание: “не открывать без подтверждения”.

— Подтверждения кого? — спросила я.

Сигрид улыбнулась без радости.

— Госпожи Брин.

Я почувствовала, как холод внутри становится плотнее.

— Няня? — спросила я.

— Няня на месте, — ответила Сигрид. — Но напугана. Ей уже сказали, что “порядок меняется”.

Я сжала край стола.

— Журнал?

— На столе, — сказала Сигрид. — Строки приготовлены. Они хотят, чтобы завтра было пусто там, где должна быть твоя привычка.

— Ты... — я подняла глаза, — Ты исправила?

Сигрид покачала головой.

— Пока нет. Если я трону — они заметят. Но я знаю, кто держал журнал в руках. И знаю, что утром туда придёт Брин.

Я кивнула.

— Хорошо. Значит, мы закрепим иначе.

Я взяла лист бумаги и быстро написала короткое распоряжение — не официальное, не для Канцелярии.

Для людей, которые понимали “величество” как реальность, а не как слово.

— Передай, — сказала я, протягивая Сигрид лист. — Смену у детских я утверждаю лично. Ночной доступ матери — без подтверждений.

Сигрид взглянула на меня.

— Ты хочешь, чтобы это знали?

— Я хочу, чтобы они перестали считать меня удобной, — ответила я.

Сигрид взяла лист.

— Сделаю.

И я почувствовала впервые за ночь: это не паника. Это управление.

Страх никуда не делся — он просто перестал быть единственным хозяином моих рук. Я всё ещё стояла на краю, где один неверный шаг превращает мать в “жену”, а привычный ночной доступ — в разрешение по списку.

Если завтра у власти будет регент, а не одна Канцелярия, то у меня появится шанс — и одновременно появится человек, от которого этот шанс будет зависеть. В этом месте доверие всегда пахнет риском. Особенно доверие к тем, кого ты когда-то уже подпустила слишком близко — и заплатила за это.

Когда Сигрид вернулась во второй раз, воздух в комнате стал чуть легче. Не потому что опасность ушла. Потому что у меня появился план.

— Теперь — Канцелярия, — сказала я.

Сигрид подняла бровь.

— Сейчас?

— Сейчас, — ответила я. — Утром будет поздно. Утром слова будут сказаны при свидетелях.

Сигрид молча ждала.

— Ты знаешь, чьи двери слушать, — сказала я.

— Знаю, — ответила Сигрид.

— Мне нужна одна вещь, — сказала я. — Не бумаги. Не печати. Одна фраза.

Сигрид кивнула.

— Какая?

— Кто завтра первым войдёт в детские и с чем, — сказала я. — И кто будет рядом с Брин.

Сигрид слегка усмехнулась.

— То есть не “кто виноват”, а “какой повод”.

— Именно, — сказала я. — Пусть они приходят с регламентом. Я хочу знать, какой именно регламент они придумают.

— Ты хочешь поймать не руку, а повод.

— Да, — сказала я. — Руки у них всегда чужие. Сегодня одна, завтра другая — и все “просто выполняют”. А вот повод — их настоящий ключ. “Для безопасности”. “По регламенту”. “По приказу”. Если я знаю, каким словом они завтра прикроются, я смогу ударить не по исполнителю, а по тому, что даёт им право вставать между мной и детскими.

Сигрид задумалась на секунду.

— Я могу.

— И ещё, — добавила я. — Мне нужно знать, кто произнес имя Кроуфорда первым. Где. И при ком.

Сигрид взглянула на меня внимательнее.

— Это не про регента, — сказала она тихо. — Это про тебя.

Я не ответила сразу. Потом сказала честно:

— Это про то, чтобы не дать им использовать меня как доказательство.

Сигрид кивнула.

— Поняла.

Она двинулась к двери.

— Сигрид, — остановила я.

Она обернулась.

— Не рискуй головой ради моей злости и моего страха, — сказала я.

Её губы дрогнули — почти улыбка.

— Я не рискую ради злости, ваше величество, — сказала она. — Я рискую ради того, чтобы ты завтра не проснулась в чужой жизни.

Я удержала взгляд. Это было редкое совпадение: кто-то говорил моими словами раньше, чем я успевала их произнести.

— Тогда иди, — сказала я.

Она ушла.

Я осталась ждать. И пока ждала, позволила себе одну короткую мысль, которую я обычно не позволяла: если это действительно Кроуфорд... если он действительно регент...

Я оборвала мысль. Мысли в дворце любят становиться слухами.

Когда Сигрид вернулась, на её лице не было триумфа. Было спокойное “я принесла то, что просили”.

— Они завтра утром начнут с детских, — сказала она. — Формально — “проверка допуска”. Не осмотр. Не болезнь. Просто “порядок”.

Я кивнула.

— И кто?

— Брин приведёт двоих, — ответила Сигрид. — Одного из Канцелярии. Одного — из стражи. Чтобы выглядело... серьезно.

— Повод?

Сигрид произнесла слово, которое я уже ненавидела.

— “Переходный период”.

Я усмехнулась.

— Конечно.

Сигрид продолжила:

— И ещё. Секретарь Тормана сказал кому-то: “Кроуфорд не любит задержек”. И засмеялся.

Я подняла взгляд.

— Значит, это не только слух.

— Это привычка, — сказала Сигрид. — Они уже говорят так, будто он здесь.

Я почувствовала, как ночь становится короче.

Сигрид молчала, пока я складывала детали в голове. Потом её взгляд скользнул к моим вискам — и я поняла, что я снова поправляю волосы.

Дурацкая привычка. Слишком человеческая.

Я остановила руку.

Сигрид не отвела глаза.

— Ты так делаешь, когда не спала, — сказала она тихо.

— Я так делаю, когда мне нужно, чтобы меня не читали, — ответила я.

Сигрид подошла ближе — на шаг, не больше. У неё было право на этот шаг. Я сама дала.

— Тебя всё равно читают, — сказала она. — Просто не все понимают, что видят.

Я усмехнулась.

— В этом дворце каждый уверен, что понимает всё.

— Да, — согласилась Сигрид. — Поэтому они такие смелые.

Я опустила взгляд на свои руки. Они были спокойны сейчас. Но я знала: это не навсегда. Усталость не исчезает от того, что ты её игнорируешь.

— Ты устала, — сказала Сигрид снова, и в её голосе не было жалости. Было признание факта.

— Я начала уставать в день свадьбы, а окончательно устала около года назад, — ответила я. — И до сих пор не могу позволить себе лечь.

Сигрид кивнула.

— Тогда не ложись. Но и не ломайся.

— Я не ломаюсь, — сказала я слишком быстро.

Сигрид посмотрела на меня так, что мне стало неприятно. Потому что она не верила словам. Она верила телу.

— Ты не ломалась, когда вытаскивала Кая, — сказала она. — Ты ломалась потом. И это видел только дворец. Он любит, когда ты ломаешься потом.

Я молчала.

— Не дай им этот “потом”, — сказала Сигрид.

Я подняла глаза.

— Не дам, — сказала я.

Сигрид слегка выдохнула, как будто только этого и ждала.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда мы продолжаем.

Я кивнула — и впервые за ночь почувствовала, что у меня есть не только страх. У меня есть человек, который держит со мной линию.

Я думала, что имя уже отзвенело во мне. Что я заперла его там же, где заперла многие другие вещи: в месте, куда не заглядывают при свете.

Но дворец любит повторять.

Сигрид сказала, почти между прочим:

— Кроуфорд будет в дворце уже до утра. Так говорят.

И в ту секунду у меня внутри снова дернулось — как будто кто-то потянул за тонкую нить, привязанную к моей магии.

Это не было “воспоминанием”. Это было ощущением присутствия, которого нет. В груди стало тесно. Ладони на секунду потеплели, будто я снова держу что-то живое. Потом тепло стало болью — короткой, резкой, как судорога.

Я сжала пальцы, чтобы не показать дрожь.

Сигрид смотрела на меня, не мигая. Она видела только то, что можно увидеть: как я задержала вдох. Как чуть побелели костяшки.

— Это... — начала она.

— Не говори, — сказала я.

Сигрид замолчала. Но взгляд её стал ещё внимательнее.

Я заставила себя вдохнуть медленно. Вынуть воздух из груди и вернуть обратно так, как учат тех, кто работает с силой: не давать ей разгоняться, не давать ей выбить тебя из тела.

Внутри отозвалось то, что я не хотела вспоминать.

Рядом с ним моя магия всегда становилась ровнее — будто кто-то держал ритм вместе со мной. И разрыв тогда был не “грустно”. Он был физически грязный: бессонница, срывы контроля, дрожь, выматывающее “потом”, которое длится неделями.

Я пережила это. Он — тоже.

И именно поэтому имя сейчас било так. Не романтикой. Опасностью.

Сигрид тихо сказала:

— Значит, слухи правдивее, чем я думала.

Я посмотрела на неё.

— Значит, дворец снова пытается поставить меня туда, где мне больно, — сказала я. — И надеется, что я начну ошибаться.

Сигрид кивнула.

— Тогда не ошибайся, — сказала она.

Я чуть улыбнулась — без радости.

— Я и не собираюсь.

Но внутри я уже знала: если он действительно здесь, если он действительно регент... то моя магия отреагирует на это раньше, чем я позволю себе подумать.

И это было еще одним рычагом, который дворец мог попробовать использовать.

Ночь начала светлеть не сразу. Сначала просто стало тише: меньше шагов, меньше шороха, меньше чужих голосов. Дворец на рассвете делает вид, что он невинен. Что он просто дом.

Я смотрела на лампу и думала о завтрашних лицах.

О канцлере Тормане, который будет улыбаться и говорить “для вашего же блага”.

О Фриде Брин, которая будет стоять у детских и говорить “по распорядку”.

О Хальварде, который будет говорить “ради государства”. И о Рагнаре Кроуфорде, который — если это правда — будет стоять где-то рядом и смотреть, как я держусь.

Сигрид стояла у двери, уже готовая уйти снова.

— Ещё одно, — сказала она.

Я подняла взгляд.

— Утром в детских будет список, — сказала Сигрид. — Они уже готовят. Кто имеет право входить. Кто имеет право оставаться. Кто имеет право... — она сделала паузу, — “беспокоить наследника”.

Я почувствовала, как внутри меня поднимается холодная ярость. Не громкая. Не театральная. Та, что держит тело прямо.

— Они включают меня? — спросила я.

Сигрид посмотрела на меня долгим взглядом.

— Они включают тебя так, чтобы это выглядело как милость, — сказала она. — Не как право.

Я кивнула. Это было именно то, чего я боялась: превращение привычки в разрешение.

— Значит, завтра они попытаются сделать моё “всегда” их “можно”, — сказала я.

— Да, — сказала Сигрид.

Я поднялась.

— Тогда завтра я не обсуждаю имя, — сказала я. — Я обсуждаю доступ. И я обсуждаю его так, будто я всё ещё королева-мать, даже если они уже нашли другое слово.

Сигрид кивнула.

— Я буду рядом, — сказала она.

— Будь невидимой, — сказала я.

Она улыбнулась — слабо, устало. Искренне.

— Это моя работа.

Сигрид ушла. Я осталась одна и поняла, что сна не будет. Но мне и не нужен был сон. Мне нужен был рассвет.

Я взяла документ без имени, провела пальцем по строчке “утверждённый кандидат” и мысленно поставила рядом другое: “Кроуфорд”. Не как факт. Как гипотезу, которую нельзя произнести вслух.

Потом я взяла лист “завтра утро” и сложила его вдвое. Как нож.

За стеной дворец начал просыпаться. И вместе с ним просыпалась система, которая решила, что может перевести меня в чужую жизнь одним “в установленном порядке”.

Я подошла к зеркалу, посмотрела на себя и впервые за долгое время не поправила волосы у висков.

Если они хотят играть — пусть играют.

Я буду играть тоже.

И завтра, у двери детских, я не буду ждать, пока меня “включат в список”.

Потому что если я позволю им поставить меня в строку — потом меня из неё не выпишут никогда.

Глава 5

Серое небо только начинало светлеть, лампы ещё горели тускло, а люди уже шли быстрее обычного: канцелярские с папками под мышкой, стража чуть ровнее, чем вчера, словно им выдали новую роль.

Я шла по коридору без свиты, ловя взгляды — косые, осторожные, оценивающие; траур, который держал меня в неприкосновенности, наконец отпустил, и дворец тут же вспомнил, что у королевы-матери есть “личная жизнь”, которую удобно решать за неё.

— Ваше величество... — услышала я за спиной, и кто-то поспешно склонил голову.

— Доброе утро, — ответила я ровно, не оборачиваясь.

“Доброе” в дворце — слово без вкуса: ровно столько правды, сколько нужно, чтобы потом ткнуть тебя в лицо тем, что ты “сама всё понимала”.

Я держала в голове два лезвия: детские и Канцелярия Короны. Сегодня они должны назвать имя “утвержденного кандидата” — и значит, сегодня меня попытаются переписать: из королевы-матери в удобную женщину при чужой фамилии.

Но сперва я шла в детские.

Потому что если утром между мной и детской дверью встанет “порядок”, то к полудню этот порядок станет привычкой. А привычка во дворце сильнее любого крика.

У двери детских я увидела то, о чём Сигрид говорила ночью.

Двое.

Один в одежде Канцелярии — не богатой, но аккуратной, с папкой под рукой и печатным спокойствием в глазах.

Другой — стражник, новый, выправка чуть слишком старательная, будто ему поручили не охранять, а производить впечатление.

И рядом — Фрида Брин.

Сухая, правильная, с лицом женщины, которая умеет стать частью распорядка так, что ты однажды обнаруживаешь: распорядок говорит ее голосом.

Она увидела меня и поклонилась так, как кланяются не королеве, а обстоятельству.

— Ваше величество, — сказала она. — Доброе утро.

Я остановилась перед ними, ощущая, как дворец вокруг будто затаился. Даже коридор слушал.

— Доброе, — ответила я. — Что вы делаете у двери моего ребёнка так рано?

Канцелярский открыл рот, будто это его реплика.

— В связи с переходным периодом... — начал он.

Я услышала слово, которое уже ненавидела, и внутренне отметила: Сигрид не ошиблась — они действительно пришли этим словом.

“Переходный период”.

Так они называют момент, когда тебя можно перевести из одного статуса в другой, пока ты ещё не успела понять, что тебя уже двигают.

— ...в связи с переходным периодом, — продолжил канцелярский, — Канцелярия Короны вводит временный усиленный порядок доступа к детским покоям наследника.

Он говорил так, будто читает молитву.

Слова были гладкие, без углов, и от этого особенно мерзкие.

Фрида Брин стояла чуть впереди него, как хозяйка, и кивала на каждую фразу. Стражник не говорил ничего. Он просто держал руку ближе к ключам, чем нужно.

— Усиленный порядок, — повторила я. — Прекрасно. И что он означает?

Канцелярский раскрыл папку.

— Вход строго по спискам. Подтверждение личности. Фиксация посещений. Регистрация распоряжений.

— Регистрация распоряжений? — я слегка наклонила голову. — Чьих распоряжений?

— Канцелярии Короны, — ответил он без паузы. — Во избежание... — он искал слово, — Недоразумений.

Недоразумением они называли мое существование.

Фрида мягко улыбнулась. Улыбка была из тех, что не греют.

— Это сделано для безопасности наследника, ваше величество, — сказала она. — Порядок нужен всем.

— Всем? — переспросила я. — Или тем, кто сегодня считает себя “всеми”?

Фрида не дрогнула.

— Переходный период требует дисциплины, — сказала она.

Я посмотрела на её руки. Сухие, чистые, как у человека, который не пачкается кровью, потому что кровью пачкаются другие.

— Дисциплина, — произнесла я. — А где документ?

Канцелярский протянул мне лист.

Я не взяла. Я посмотрела.

Печать. Подпись. Дата.

Всё слишком свежее.

— Канцлер Торман? — спросила я.

— По его поручению, — ответил канцелярский.

Я медленно кивнула.

— Прекрасно. Тогда я передам канцлеру, что “по его поручению” вы решили стать дверью между мной и моим ребёнком.

Фрида улыбнулась чуть шире.

— Вы можете передать что угодно, ваше величество, — сказала она. — А мы должны выполнять.

“Мы должны.”

В дворце это универсальная формула для насилия без ответственности.

Я сделала шаг к двери детских.

Стражник чуть поднял руку — не грубо. Просто обозначая: “не так быстро”.

И вот тогда воздух стал плотнее.

— Один момент, — сказал канцелярский быстро. — Нужно сверить список.

Фраза была произнесена так, будто он предлагает мне подождать, пока принесут чай. Так мягко, что от этого у меня внутри что-то хрустнуло.

— Подождите, ваше величество, — добавила Фрида Брин. — Это буквально минута. Для порядка.

“Подождите.”

Я услышала это слово так же отчётливо, как когда-то слышала “несчастный случай”. Не потому, что оно было громкое. Потому что оно означало: привычка кончилась.

Я посмотрела на дверь.

За ней спал Кайрен.

Мой ребёнок. Мой смысл. Моя слабость и моя ответственность. И между мной и дверью стояли двое мужчин и одна женщина, которые называли себя порядком.

Я не повысила голос. Я не сделала шаг назад. Я просто спросила:

— Вы сейчас серьёзно предлагаете мне ждать, пока вы решите, могу ли я войти к своему сыну?

Канцелярский улыбнулся той улыбкой, которой улыбаются тем, кого уже поставили на место.

— Это временная мера, ваше величество. Переходный период...

— Я слышала, — перебила я. — Вы уже произнесли это слово.

Фрида посмотрела на меня спокойно, как на неудобный предмет.

— Пожалуйста, — сказала она. — Не усложняйте. Это... обычная процедура.

Обычная.

Вот что они делают: берут твою жизнь и называют её обычной процедурой.

Я стояла и чувствовала, как кровь в висках становится холодной. Не горячей — холодной. Это был не гнев. Это было понимание: если я сейчас “подожду”, завтра я буду “ждать” снова. А через неделю я буду “просить”. И они будут называть это порядком.

Я посмотрела на канцелярского.

— Сверяйте, — сказала я. — Быстро.

И осталась стоять так, чтобы им было неудобно. Чтобы “подождите” не стало нормой. Чтобы они почувствовали: я не согласилась. Я лишь дала им секунду, чтобы они показали свою бумагу.

Канцелярский опустил взгляд в лист, будто действительно сверял список. Я видела по его движению: он тянет время ровно настолько, чтобы дать мне почувствовать вкус ожидания.

— Ваше величество, — сказал он наконец, — Конечно, вы в списке.

— “Конечно”, — повторила я. — Тогда зачем была эта минута?

Он не моргнул.

— Чтобы соблюсти процедуру.

— Чью процедуру? — спросила я. — Вашу? Фриды? Или канцлера?

Фрида чуть наклонила голову, словно слушала капризного ребёнка.

— Процедуру Канцелярии Короны, — ответил канцелярский.

— Тогда покажите мне распоряжение, — сказала я.

Он поднял папку, словно она была доказательством сама по себе.

— Оно здесь.

— Я хочу видеть, кто подписал, — сказала я. — И на каком основании Канцелярия получила право устанавливать режим доступа в детские.

Канцелярский замялся на долю секунды. Этого хватило, чтобы я поняла: основание — не закон.

Основание — “переходный период”.

— В переходный период, — начал он, — Часть полномочий...

— Часть полномочий — чьих? — спросила я.

Фрида вмешалась мягко.

— Ваше величество, — сказала она, — Вы устали. Мы все устали. Но порядок нужен...

— Я не просила философии, — оборвала я. — Я просила основание.

Стражник по-прежнему молчал. Но его молчание было не нейтральным. Оно было опорой их слов. Он стоял так, будто за ним — власть.

Я посмотрела на его пояс. На ключи. На то, как рука лежит рядом.

— Ключи от детских у вас? — спросила я.

Стражник моргнул.

— Да, ваше величество.

— Кто дал? — спросила я.

Он посмотрел на Фриду, и этого было достаточно.

Фрида ответила вместо него:

— Временная мера. По распоряжению Канцелярии. Переходный период.

Три раза в одну минуту. Они хотели вбить это слово мне в кровь.

Я кивнула.

— Прекрасно, — сказала я. — Значит, у нас есть бумага, которая “временно” забирает у матери ключи от детских.

Канцелярский напряженно улынулся.

— Не забирает. Упорядочивает.

— Разница для вас, — сказала я. — Для меня разницы нет.

Я сделала шаг к двери.

— Я войду, — сказала я. — Если вы считаете, что имеете право остановить меня — остановите. И мы посмотрим, как “временная мера” будет выглядеть в вашем отчёте.

Фрида не дрогнула. Но канцелярский чуть побледнел. Они любили “временные меры”, пока за них не приходилось отвечать.

— Так положено, ваше величество, — сказала Фрида тихо, и в её голосе впервые мелькнуло раздражение. — Вы можете войти. Но посещение фиксируется. И порядок посещений — тоже.

— Порядок посещений моего ребёнка? — я улыбнулась, но улыбка не была дружелюбной.

— В переходный период, — повторила она, — Мы обязаны исключить лишнее беспокойство.

— Лишнее? — переспросила я.

Фрида посмотрела на меня и не отвела взгляд.

— Эмоции. Непредсказуемость. Самодеятельность, — перечислила она почти ласково.

Я услышала слово “самодеятельность” и почувствовала, как внутри становится очень тихо.

Они подбирали формулировки. Они готовили почву, чтобы однажды назвать меня угрозой.

Канцелярский поспешил подхватить:

— Это временно, ваше величество. До назначения регента. До того, как всё войдёт в норму.

— В норму, — повторила я. — То есть в ту норму, где вы держите ключи?

Фрида улыбнулась.

— В ту норму, где наследник в безопасности.

— Наследник в безопасности, пока я рядом, — сказала я.

Фрида не моргнула.

— Это ваша точка зрения, ваше величество. Канцелярия обязана учитывать... разные точки зрения.

Я едва заметно фыркнула.

— Конечно. Особенно те, которые удобнее.

Канцелярский сделал вид, что не услышал.

— Мы просто выполняем.

— Вы выполняете так, будто вам приятно, — сказала я тихо.

Фрида слегка приподняла подбородок.

— Мне приятно, когда распорядок соблюдают, — сказала она. — Это спасает жизни.

В тот момент враг обрёл форму.

Не монстр. Не убийца.

Винтик, который любит власть “по правилам” и готов назвать это заботой.

И я поняла: Фрида Брин не отступит, пока её не заставят. Она не боится меня как женщины. Она боится только тех, кто выше в бумаге.

Значит, бить надо не в Фриду. Бить надо в бумагу.

Сигрид появилась так, как появляются правильные люди в неправильных местах: будто она всегда здесь была.

Она прошла по коридору с подносом, как служанка, которой поручили утренний чай, и в этот момент я поняла, почему я ей доверяю. Доверие в дворце — это не чувство. Это инструмент.

Она не остановилась рядом со мной. Она просто чуть замедлилась, и когда проходила, её голос коснулся моего уха — как шёпот ветра.

— Это распоряжение Тормана, — сказала она. — Не слух — бумага. Брин утром забирает листы из Канцелярии первой, ещё до того, как двор просыпается. Идут они одной пачкой: “переходный период”, списки, журнал. Одним почерком. Одной печатью.

Я не повернула головы. Я не показала, что услышала. Только медленно моргнула — один раз.

Канцелярский тем временем протянул мне журнал.

— Подпишите, пожалуйста, ваше величество. Для фиксации посещения.

Я взяла перо. Не потому, что соглашалась. Потому, что подпись — это тоже след. А следы сегодня будут оружием.

Я расписалась ровно так, как положено. Слишком ровно. Пусть они привыкают: я умею быть правильной лучше них.

Сигрид прошла дальше. В коридоре никто не заметил ничего. А у меня в голове уже появилась дверь. Конкретная.

Хорошо.

Если они любят работать через людей, которых не видно, я тоже умею.

— Фрида, — сказала я спокойным голосом, — Вы ведете журнал посещений?

Фрида кивнула с видом человека, которому приятно, что его работу заметили.

— Разумеется, ваше величество.

— Тогда покажите журнал ночных смен за последнюю неделю, — сказала я.

Канцелярский резко поднял глаза.

— Ваше величество, это не относится...

— Относится, — сказала я.

Фрида чуть замялась.

— Ночные смены ведутся отдельно.

— Прекрасно, — сказала я. — Тогда принесите отдельно. И список людей, которые сегодня получили ключи.

Стражник с ключами напрягся.

Канцелярский попытался улыбнуться.

— Это не предусмотрено процедурой.

— Тогда внесите в процедуру, — сказала я. — Вы же сегодня всё равно переписываете “норму”.

Фрида сделала вдох и ответила осторожно:

— Это займёт время.

— У вас есть, — сказала я. — Переходный период, помните?

Я увидела, как канцелярский побледнел. Они не любили, когда их слова возвращали им как плевков.

— Запишите также, — продолжила я, — Кто именно ввёл режим. Не “Канцелярия”, а конкретное лицо. И время. Я хочу видеть цепочку.

Канцелярский наконец перестал изображать спокойствие.

— Ваше величество, вы создаете сложности...

— Я создаю следы, — сказала я. — Сложности вы создаете сами, когда лезете к моему ребёнку с папкой.

Фрида поджала губы.

— Мы действуем ради безопасности, — сказала она.

— Тогда вам нечего бояться от бумаги, — ответила я. — Бумага же ваша сила.

Я подняла журнал.

— Я расписалась, — сказала я. — Теперь ваша очередь расписаться под тем, что вы сегодня сделали.

Канцелярский открыл рот. Закрыл. И всё-таки поставил подпись на листе распоряжения, который держал в папке.

Я увидела фамилию. Я увидела дату. Я увидела “по поручению”.

Хорошо.

Если они любят “временно”, то пусть временность будет с именем.

Когда дверь детской наконец открыли, я вошла внутрь и сразу увидела деталь, от которой у меня внутри всё стало стеклянным.

Не на столике — выше, в углу, на той самой полке, куда Кай ещё не дотягивался, стояла моя маленькая шкатулка. Не “тайник с травами”, а обычная детская аптечка: зимний бальзам для рук, растирка, несколько мешочков с сухими смесями — всё, чем здесь пользуются, когда воздух становится злым.

Но она стояла не так, как я оставляла. Крышка была повернута иначе. Лента на ней была закреплена другим узлом. Это могла заметить только я — потому что я всегда делаю один и тот же узел, на автомате.

Это мог заметить только тот, кто завязывает сам. Я всегда завязывала её одним и тем же узлом — на автомате, как закрывают дверь на ночь.

Няня встретила меня взглядом, в котором было слишком много страха.

— Ваше величество... — прошептала она.

— Кто трогал? — спросила я так тихо, что это было почти дыхание.

Няня опустила глаза.

— Госпожа Брин сказала... что нужно... навести порядок. Что травы... должны быть... в одном месте.

Порядок. Конечно.

Я подошла к кровати Кая. Он спал, как и должен был спать ребенок, которому ничего не угрожает. Теплый, ровный. Я коснулась его лба.

Живой.

Я снова посмотрела на шкатулку.

Это был не удар. Это было условие.

Если они могут трогать мои травы, они могут трогать всё. Если они могут менять узлы, они могут менять руки. А если они могут менять руки, то яд снова может прийти не как враг с кинжалом, а как “случайная” рутина.

Я не сказала ничего вслух. Я только запомнила узел.

И страх вернулся — на этот раз с паникой, которую я держала зубами. Холод разлился внутри так быстро, будто меня окунули в воду. Они были не “у меня в руках” — они были в детских. В моём воздухе. В моих привычках.

И всё же сквозь эту панику прорезалась одна упрямая, почти постыдная надежда: если регент действительно будет Кроуфорд — каким бы “кротом” он ни был, — в его интересах, в интересах нас всех, чтобы Кай вырос и сел на трон. Потому что Кай — такой же.

Потому что после того, что было всего несколько поколений назад, магический наследник — это не опасность, а закрепление: право жить без оглядки.

Если только дворец не решит иначе раньше, чем он успеет сказать своё слово.

Я вышла из детской и остановилась так, чтобы меня было видно всем троим у двери.

— Фрида, — сказала я спокойно. — “Переходный период” — это когда власть меняется. Не когда вы учитесь держать ключи.

Фрида улыбнулась, но улыбка стала тоньше.

— Ваше величество, я выполняю...

— Вы выполняете так, будто у вас праздник, — сказала я. — И это дурной знак.

Канцелярский попытался вмешаться:

— Ваше величество, вы устали, и...

Я посмотрела на него.

— Я устала год назад, — сказала я. — А вы сегодня слишком бодры.

Он замолчал.

Фрида сделала шаг вперёд.

— Мы делаем это ради наследника.

— Тогда не забывайте, — сказала я мягко, — Что наследник — мой сын. И если вы хотите быть “ради”, вы будете делать это так, чтобы я не стала “вопреки”.

Фрида на секунду дрогнула. Её глаза выдали то, что она прятала: раздражение. Она привкла, что женщины без опоры ломаются. Я не сломалась.

Канцелярский кашлянул, возвращая себе роль.

— Ваше величество, порядок...

— Я слышала, — оборвала я. — Вы любите слово “порядок”. Я люблю слово “ответственность”. Завтра мы посмотрим, какое из них сильнее.

Я повернулась и пошла по коридору, не ускоряя шаг. В дворце скорость — слабость.

Мне нельзя было показывать слабость.

Я не дала себе паники. Паника — роскошь тех, у кого нет детей. Но когда я свернула за угол и коридор на секунду стал пустым, я позволила себе одну честную мысль.

Если “подождите” станет нормой — я проиграла.

Не завтра. Не через месяц. Уже сегодня. Потому что сегодня они сделали первый пробный шаг: заставили меня стоять у двери и ждать их разрешения. Завтра они скажут, что это “всегда так было”. Послезавтра — что это “в интересах государства”. А через неделю я буду жить по расписанию, которое составила не я.

Я вспомнила лицо Кая во сне. Его ладонь под щекой. И то, как легко дворец умеет отрезать то, что тебе дорого, не делая вид, что отрезает.

Мне нужен щит. Не чувство. Не союз “по любви”. Щит.

И ночью, когда Сигрид сказала имя Кроуфорда, моё тело отозвалось раньше, чем мой разум. Это было мерзко и честно.

Регент опасен. Но Канцелярия без регента опаснее по-другому: она не имеет лица, и поэтому ей не за что отвечать.

Если у власти будет человек, он будет отвечать. Даже если он мне не нравится. Даже если он мне... слишком знаком на уровне кожи.

Я не позволила этой мысли расползтись. Она была ещё слишком ранней. Но она уже жила внутри: завтра мне понадобится не только злость. Мне понадобится власть, которая сильнее печатей.

Я вернулась в свои комнаты быстро, но не бегом. Служанки уже ждали у двери, как будто знали: утро будет “рабочим”.

— Оденьте меня просто, — сказала я. — Без парада. И без траура на показ. Я не иду плакать, я иду говорить.

Одна из них кивнула и потянулась к лентам.

— И позовите Сигрид, — добавила я. — Пусть будет рядом, но невидимой.

— Да, ваше величество.

Пока они затягивали шнуровку, я смотрела в зеркало и думала о двух именах.

Первое — имя регента. Оно уже жило в коридорах, и от этого шепота во мне поднимался холод: когда дворец начинает произносить имя, значит, оно уже почти стало фактом.

Второе — имя жениха. Его, наоборот, держали в безличной формулировке — “утверждённый кандидат”, как в товарной накладной. И именно это было хуже всего. Если бы они хотели просто выдать меня замуж, имя лежало бы на бумаге с самого начала — спокойно, без игры.

А раз имени нет, значит, вчера под этой строкой могло быть несколько вариантов. Значит, кто-то торговался, кто-то считал, кто-то приносил свои условия — и они оставили себе возможность выбрать в последнюю минуту. Или — ещё проще и страшнее — имя такое, которое выгоднее держать в тени до утра, чтобы я не успела построить оборону.

Я не собиралась идти в Канцелярию за “именем ради любопытства”. Я шла туда, чтобы забрать у них эту роскошь — решать мою жизнь без лица.

Когда Сигрид появилась у стены, почти как тень, я сказала тихо:

— Я иду в Канцелярию. Мне нужно имя.

— Я поняла, — ответила она.

— И мне нужно, чтобы они не сделали из моего вопроса слабость, — добавила я.

Сигрид посмотрела на меня.

— Тогда спрашивай так, будто ты уже знаешь, — сказала она.

Я усмехнулась.

— Умно.

Я выпрямила плечи.

— И ещё, — сказала я. — Если Фрида Брин тронет детские, пока меня нет...

Сигрид кивнула.

— Я буду рядом.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда идём.

Канцелярия Короны жила своим утром отдельно от дворца. Там не было “почти траура”. Там было “почти собрание”.

Лампы горели ярче. Перья скребли быстрее. Люди говорили тише, но увереннее.

Я поднялась по ступеням и почувствовала то, что всегда чувствую в таких местах: воздух здесь принадлежит не тем, кто дышит, а тем, кто подписывает.

У дверей я услышала фразу раньше, чем увидела лица.

— ...если Кроуфорд не любит задержек, значит, сегодня никто не задержится, — сказал чей-то голос вполголоса. И кто-то тихо засмеялся.

Смех был короткий, нервный — смех людей, которые шутят, чтобы не признать страх.

Я остановилась на миг, не меняя выражения лица. Сигрид была где-то рядом, но невидимая, как и должно.

“Он уже здесь,” — подумала я. Не потому что видела его. Потому что дворец уже начал говорить так, будто он присутствует. А дворец никогда не меняет лексику без причины.

Я шагнула к дверям Канцелярии и почувствовала, как внутри собирается холодное спокойствие. Не то, что в самом начале. Другое. Острое.

Сегодня они назовут имя жениха. Сегодня они попробуют закрепить меня в нужном месте. Сегодня они будут улыбаться и говорить “формальности”.

А я приду за именем.

И за ключами.

И если они решат, что я снова просто соглашусь — пусть.

Пусть попробуют оформить меня фразами, как оформляют бумаги.

Я открою дверь и напому: я не фигура которую легко передвинуть с помощью пары строк в официальных документах.

Глава 6

Канцелярия Короны утром всегда похожа на мастерскую, где чинят не вещи, а людей.

Чернила, воск, скрип перьев — и тишина, которая не пустая, а дисциплинированная. Здесь не разговаривают громко: здесь шепчутся так, чтобы услышал тот, кому надо, и не услышал тот, кому нельзя.

Я шла по коридору без свиты, как и вчера — без шелеста лишней ткани, без парада, только с тем самым холодом внутри, который осталось после слова “подождите”. Оно уже прозвучало у двери детских.

Я пришла сюда не за утешением, не за “разъяснениями”, не за красивыми формулировками. Я пришла за именем и за границей.

Имя “утвержденного кандидата” на бумаге было безликим — и это было хуже всего.

Пока имя прячут, они могут до последнего держать меня в подвешенном состоянии.

Пока имя прячут, они могут торговаться, менять условия, поднимать ставки — и всё это вежливо, “в интересах стабильности”. Мне нужен был конкретный человек, конкретная фамилия, конкретная строка, которая перестанет быть чёрной дырой.

А ещё — мне нужен был ответ на вопрос, который Канцелярия обходила улыбками: кто дал Фриде Брин право держать ключи от детских.

Кто решил, что королева-мать должна ждать у двери собственного ребёнка. Кто прячет нож под словом “порядок”.

На входе меня уже ждали — не как гостя, как пункт распорядка. Стражник у дверей сделал шаг в сторону слишком быстро: меня пропускали, будто решение принять меня уже было согласовано.

— Ваше величество, — произнес он ровно. — Канцлер Торман ожидает вас.

“Ожидает.” Это слово всегда звучит так, будто у тебя есть выбор прийти или нет. На деле выбор появляется только тогда, когда ты делаешь его сама.

— Я знаю, — ответила я.

Сигрид держалась чуть позади, растворенная в утре. Я чувствовала её не глазами — тем, что рядом не было лишнего шороха.

Она не пряталась от меня. Она пряталась от стен, которые любят запоминать.

Я сделала вдох — медленно, как делала перед лечением, когда пальцы дрожат, а ты не имеешь права дрожать. Канцелярия была не хуже яда: если дашь ей зайти внутрь, потом не вытащишь без следа.

— Откройте, — сказала я.

И в этот момент я ещё не знала, что дверь, которую мне сейчас откроют, приведет не к канцлеру, а к нему — сначала в коридоре, потом в кабинете, потом “наедине”. Но я уже знала другое: сегодня мне нельзя быть удобной. Сегодня удобство — это смерть привычки. А привычка — это мои ключи к детским.

Я свернула за угол — и уперлась в него. Не плечом, нет: всем ощущением пространства.

Воздух стал плотнее сразу, как бывает в двух случаях. Когда рядом сильная магия — не вспышка, не фейерверк, а тихая тяжесть, которая меняет дыхание. И когда рядом человек, привыкший занимать комнату так, что остальным остается меньше места, даже если он стоит неподвижно.

В нём было и то, и другое.

Он шёл навстречу без спешки, в очках, с той военной собранностью, которую невозможно сыграть: прямые плечи, экономные движения, взгляд, который не спрашивает разрешения, а просто обращает внимание и запоминает.

Я успела заметить реакцию коридора раньше, чем успела назвать это мыслью: канцелярский писарь отступил в сторону слишком быстро, стражник у двери распрямился, как струна. Даже тишина стала аккуратнее.

Так не реагируют на чужого. Так реагируют на того, кто может отменить “порядок” одним словом — или одним молчанием.

Он остановился в двух шагах от меня — ровно настолько, чтобы это было вежливо, и ровно настолько, чтобы я почувствовала: дистанцию здесь выбирает он.

— Ваше величество, — сказал он.

И мне пришлось напомнить себе, что я пришла сюда не для того, чтобы быть запечатленной. Я пришла за именем и за границей. Просто теперь граница стояла передо мной в очках.

Не “госпожа”, не “миледи”.

Полное, правильное.

От этого — еще опаснее: он умеет соблюдать форму, не становясь мягким.

— Милорд, — ответила я.

Я не поклонилась ниже необходимого.

Он тоже не поклонился “как положено” перед королевой-матерью. Он обозначил уважение, но не уступку.

На секунду мы стояли в коридоре, как две фигуры, которые не хотят сделать первый шаг.

Я ощутила знакомый инстинкт: не дать ему задать тон. Не позволить ему начать так, как ему удобно.

Он смотрел на меня через очки — и мне неприятно показалось, что он видит не только мое лицо. Он видит, как я держу дыхание. Как я держу усталость. Как я держу злость. И где у меня в этом держании слабое место.

За моей спиной тенью стояла Сигрид. Я знала: она видит, как меняется воздух. Но она не вмешается. Это мой бой.

— Вы тоже в Канцелярию? — спросила я, будто это буднично.

Он не улыбнулся.

— Я везде, где сегодня решают, — ответил он.

И вот это было новым: он не сказал “да” или “нет”. Он сказал “я здесь, потому что всё это — моё поле”. И в этой фразе было больше, чем в любой печати Тормана.

Я почувствовала, как во мне поднимается холодная мысль: если он здесь — значит, “переходный период” не просто каприз Канцелярии. Значит, кто-то уже поставил на доску фигуру, от которой зависит весь расклад.

И я ещё не знала, что именно от этой фигуры сейчас зависит и моё имя на бумаге.

Я не дала тишине стать его тишиной.

— Не думала, что вас выманят из шахт, — сказала я ровно. — Там, кажется, теплее.

Это было достаточно колко, чтобы обозначить: я помню, кто он, и не собираюсь делать вид, что он для меня “новое назначение”. И достаточно нейтрально, чтобы не звучать как истерика.

Он выдержал паузу — микроскопическую, но точную. Затем ответил так же ровно:

— А я не думал, что вы так быстро слезете с метлы, ведьма.

Две реплики. И вторая ударила не смыслом — кодом.

Старым. Личным. Тем, что нельзя произносить при свидетелях, если ты не хочешь признать “между нами было”.

Коридор слушал. Канцелярские делали вид, что не слышат. Стража делала вид, что не существует. Но воздух всё равно запомнил.

Я удержала лицо. Не позволила себе ни улыбки, ни вспышки. Только чуть приподняла подбородок.

— Люди меняются, — сказала я сухо.

— Людей меняют, — ответил он почти без звука.

И мы оба поняли: да, это про нас. Но не сейчас.

Я перевела взгляд на дверь кабинета канцлера, как на цель.

— Я пришла к Торману, — сказала я. — Не к вам.

Он не двинулся с места, но от его спокойствия у меня внутри стало яснее: мне придётся иметь дело с ним, хочет того Канцелярия или нет.

— Тогда идём, — сказал он.

Как будто это решение уже принято.

Мы сделали несколько шагов — и резонанс ударил.

Не красивым “озарением”.

Телом.

Сначала — странной ровностью: будто магия внутри на секунду нашла правильный ритм и перестала царапаться о мои ребра. Затем — болью, короткой и злой, как если бы тело вспомнило цену этой тишины.

У меня потеплели ладони. Не от эмоций — от реакции силы.

Я сжала пальцы так, что ногти впились в кожу. Боль вернула меня в тело. Дыхание я выровняла медленно, как выравнивают клинок по камню: без спешки, до тишины.

Я не позволила себе остановиться. Шла рядом с ним, будто ничего не происходит. Будто внутри меня не поднялась память: как после разрыва ломало. Как магия становилась нестабильной. Как ты не спишь, потому что стоит закрыть глаза — и сила вырывается. Как выматывает “потом”, длинное, тихое, стыдное.

Он заметил.

Я увидела это не по словам — по тому, как изменилось его внимание. Очки сделали взгляд точнее: он отметил мою задержку вдоха, то, как я на долю секунды сбилась с шага, неконтролируемую дрожь в пальцах.

Он не спросил “вам плохо?”.

Он не дал мне повода выглядеть слабой.

Он просто... увидел.

— Не сейчас, — сказала я тихо, почти себе, потому что мысль пыталась прорваться наружу.

Он чуть повернул голову, будто услышал.

— Не сейчас, — повторил он так же тихо.

И это было самое опасное: он не отрицал. Он подтверждал, что чувствует то же.

Я заставила себя переключиться на злость.

Злость — понятная, управляемая. Резонанс — нет.

— Вы всегда так любите давить присутствием? — спросила я вслух, чтобы вернуть себе голос.

Он посмотрел на меня через очки.

— Я люблю, когда всё стоит на своих местах, — сказал он.

— А я люблю, когда места выбирают сами, — ответила я.

Он не улыбнулся. Но угол его рта дрогнул на миллиметр — как у человека, которому нравится сопротивление.

И мы подошли к двери канцлера уже с ощущением, что в этой комнате будет решаться не только бумага. Будет решаться, как держать себя рядом друг с другом, не теряя контроля.

У дверей кабинета канцлера стражник сделал шаг вперёд — по привычке, по протоколу, как делают всегда.

— Ваше величество... — начал он.

И на этом должен был закончить: объявить меня, открыть дверь, исчезнуть в сторону. Но он успел бросить взгляд в коридор — и будто наткнулся на стену. Не на человека, на ощущение: “здесь есть кто-то, кому нельзя мешать”.

Он замялся на долю секунды, и эта доля секунды сказала больше, чем любые слова. Потом стражник резко выпрямился, словно спохватился, и открыл дверь шире, чем нужно — не мне.

Я заметила: так открывают не из вежливости. Так открывают, когда боятся задержать.

В приёмной поднялся канцелярский секретарь.

Лицо у него было гладкое, отработанное — до тех пор, пока он не увидел, кто стоит у меня за плечом. Гладкость на миг сломалась, как тонкий лёд, стоило ему перевести взгляд на моего спутника.

Секретарь тут же собрался, улыбнулся правильной улыбкой и заговорил так, будто всё именно так и должно быть.

— Ваше величество, — произнес он, чуть понизив голос. — Канцлер Торман ожидает вас.

Это было сказано мне — и правильно. А дальше секретарь перевёл взгляд не на моё лицо, а чуть выше, мимо, как будто проверял, достаточно ли “правильно” он всё сделал.

Кроуфорд не сказал ни слова. Он просто посмотрел.

Не грубо. Не демонстративно.

Просто взглядом человека, который привык, что у него не спрашивают дважды. И от этого взгляда в комнате мгновенно стало меньше суеты: секретарь перестал суетиться, стражник перестал шевелиться, даже воздух перестал искать лишние звуки.

Секретарь понял этот взгляд мгновенно — и его “правильная улыбка” стала осторожнее.

— Канцлер сейчас закончит последнюю подпись, — быстро добавил он уже мне, почти торопливо. — Прошу... — он осёкся на слове, которое в Канцелярии любят больше всех.

Потому что “подождите” здесь звучало бы слишком знакомо. А когда рядом стоит Кроуфорд, знакомые слова вдруг становятся опасными.

Я не дала себе удовольствия улыбнуться.

Я повернула голову ровно туда, куда надо — на дверь кабинета канцлера.

Сигрид рядом не было видно, и это было хорошо. Значит, она делает свою работу: становится тенью, когда тень важнее.

Я перевела взгляд обратно на секретаря.

— Он ждёт меня? — спросила я.

Секретарь сглотнул, но быстро кивнул.

— Да, ваше величество.

— Тогда открывайте, — сказала я.

И вот только тогда Кроуфорд сделал едва заметное движение — не кивок, не жест согласия. Скорее, прекращение паузы: как будто он позволил этому утру идти дальше.

Дверь открылась.

Я вошла первой — так, как и должна входить королева-мать.

И всё равно я вошла не одна: Кроуфорд вошёл следом — и тишина в кабинете стала другой. Не та, что бывает за закрытой дверью, а та, которая возникает, когда в комнате появляется человек, перед которым даже канцлер выбирает слова осторожнее.

Я слышала это сразу: по тому, как Торман на вдохе притормозил фразу, как кто-то из присутствующих замер у стены, как даже шорох бумаги стал тише.

Рядом с новым регентом магия ложилась плотной холодной собранностью — не вспышкой и не угрозой, а тем, от чего хочется вдохнуть глубже и одновременно отступить.

Глава 7

Лишние исчезли почти мгновенно: дверь закрыли, шаги отступили, и в комнате остались только те, чьи слова имеют вес.

Канцлер Торман поднялся из-за стола с той гладкой улыбкой, которая всегда означает одно: “я сейчас скажу так, что ты не сможешь возразить, не выглядя дурой”.

— Ваше величество, — произнес он, — рад видеть вас... столь собранной.

“Собранной” — так говорят о женщине, которую ждут увидеть сломанной.

Затем его взгляд скользнул к Кроуфорду, и улыбка стала... осторожнее.

— Милорд Кроуфорд.

Он кивнул, не кланяясь. Это не был жест равного, скорее кивок человека, который уже выше, но не нуждается демонстрировать это.

Я осталась стоять. Не села. В этом кабинете садится тот, кто согласен быть ниже.

— Я пришла за именем, — сказала я сразу, не давая Торману повести разговор.

У канцлера дрогнули веки — на мгновение. Потом он вернул улыбку.

— Разумеется, — сказал он. — Мы всё обсудим в установленном порядке.

— Нет, — сказала я. — Сначала имя. Потом порядок.

В кабинете на секунду стало тише. Это была маленькая победа: я забрала у него право начать спектакль.

Кроуфорд молчал, но его молчание странно держало комнату — и меня вместе с ней. Я не ожидала от него ни поддержки, ни союзничества, ни даже вежливого нейтралитета; тем сильнее било в живот понимание: если он сейчас не даёт Торману развернуть привычные манёвры, значит, у него свой расчёт.

От этого имя, которое вот-вот прозвучит, становилось опаснее: оно могло быть не просто строкой в документе, а поводом — если я хоть на секунду покажу страх.

Торман развернул папку на столе, медленно, демонстративно. Он хотел показать: всё под контролем бумаги.

Я посмотрела на Кроуфорда — и поймала на мгновение его внимание. Он смотрел не на Тормана. Он смотрел на меня. Как будто ему интереснее, выдержу ли я удар, чем то, какой именно будет удар.

Это было мерзко. И честно.

— Имя, канцлер, — повторила я.

— Конечно, ваше величество, — сказал Торман. — Конечно.

И в этом “конечно” было обещание: он сделает всё вежливо — так, чтобы у меня не осталось права возразить, не показав себя неуравновешенной дурой.

Он улыбался так, как улыбаются люди, которые привыкли управлять не силой, а моментом: чуть задержать паузу, чуть наклонить голос — и ты уже выглядишь нетерпеливой, капризной, “слишком женской”.

Но на этот раз пауза у него вышла длиннее, чем он планировал.

На долю секунды — ровно на одну долю — его взгляд скользнул мимо меня, к Кроуфорду, и вернулся обратно уже другим: осторожнее, тяжелее. Как будто в голове канцлера быстро щелкнула неприятная мысль, которую он тут же спрятал под улыбку.

Два мага в одной комнате. Один — королева-мать, которую привыкли водить по бумаге. Другой — регент, который ещё не произнёс слова, а уже заставил Канцелярию говорить тише. И я увидела, как у Тормана на долю секунды меняется расчёт в глазах: не “как оформить”, а “как развести”.

Потому что для тех, кто по-прежнему терпит магию только когда она удобна, такая связка — перебор.

Маленький король-маг, мать-ведьма, регент-колдун — слишком много силы в одной точке, слишком мало точек контроля.

От этой мысли у меня внутри на секунду стало пусто и холодно.

Не паника — окончательное понимание: имя уже решено, но произнести его вслух сейчас стало отдельным жестом. Потому что вместе с именем они закрепят не брак — они закрепят расстановку сил.

Сколько мне позволено быть рядом с Каем, сколько мне оставят голоса, и как далеко они могут отодвинуть меня “ради стабильности и безопасности для короля”, не называя это изгнанием.

И Торман понял то же самое: если он просто назовёт имя и отпустит меня, дальше всё может пойти не по его сценарию. Не по его “в установленном порядке”.

Он не испугался — канцлеры редко пугаются. Он решил удерживать контроль единственным способом, который знает: вернуть разговор в болото формулировок, где тонет любая правда.

— В переходный период, — снова начал он, и я услышала ненавистное слово так, будто оно снова стоит у двери детских, — Государству требуется стабильность. Вы понимаете это лучше, чем кто-либо...

— Я понимаю, — сказала я, — Что вы назвали “переходным периодом” попытку поставить меня ждать у двери моего ребёнка.

Улыбка канцлера стала тоньше.

— Мы действуем исключительно ради безопасности наследника, — сказал он мягко. — И ради вашей...

— Не надо, — перебила я. — Не надо говорить “ради меня”, когда вы имеете в виду “вместо меня”.

Торман сделал вид, что не услышал колкость. Он перевёл взгляд на бумаги.

— Порядок в детских будет приведен к единому стандарту, — продолжил он. — Временный пропускной режим, фиксация посещений...

— И брак, — сказала я.

Канцлер поднял глаза, словно удивлённый, что я называю вещи напрямую.

— Да, — ответил он. — И брак. Переходный период требует ясных линий. Вы — королева-мать. Ваша роль важна. Но государству важно, чтобы роль была... определена.

“Определена” — значит “ограничена”.

— Я не роль, — сказала я.

Торман снова улыбнулся.

— Разумеется, — произнёс он, и в этом слове было столько же правды, сколько в “наследник здоров”. — Но роли помогают избежать хаоса.

— Хаос — это вы, — сказала я спокойно. — Когда вы решаете мои ночи через журнал. На секунду канцлер потерял мягкость.

— Вы устали, ваше величество. Вам нужна опора.

И вот тут я поняла: он не просто объясняет. Он пытается продать мне клетку как поддержку.

Кроуфорд в этот момент чуть изменил позу — едва заметно. И канцлер заметил. Потому что Канцелярия всегда замечает тех, кто может её отменить.

Торман перевёл разговор туда, куда хотел: к “формальностям”, к процедурам, к печатям. К тому, где он уверен.

И я снова сказала:

— Имя утвержденного кандидата, — сказала я. — Основание. Сроки. И отдельным пунктом — режим детских: кто дал распоряжение, кто держит ключи, кто отвечает за “подождите”.

Канцлер чуть приподнял бровь.

— Ваше величество, это... необычно для обсуждения брака.

— Это необычно для матери, которую пытаются отрезать от ребёнка, — ответила я. — Но вы сами сделали это обычным.

Торман раскрыл папку, как будто хотел выиграть временем.

— Что касается детских, — начал он.

— Имя, — повторила я.

Я увидела, как канцлеру хочется говорить, говорить, говорить — усыплять. Но он не мог позволить себе усыплять, когда в комнате стоит Кроуфорд. Потому что Кроуфорд не выглядит человеком, которого усыпляют словами.

Торман посмотрел на него — коротко, осторожно. Затем снова на меня.

— Вы хотите всё и сразу, — сказал канцлер.

— Я хочу то, что вы прятали, — ответила я.

— Это государственное решение, — мягко сказал он.

— Государственные решения тоже имеют имена, — сказала я. — Назовите.

И вот здесь Кроуфорд впервые слегка улыбнулся — не губами, а взглядом. Ему нравилось, что я не прошу.

Торман сделал паузу. Он выбирал момент. Он выбирал, как ударить. И я видела это — как видят руку, которая тянется к ножу под столом.

Я держала лицо ровным. Внутри было другое: холод, на котором держится выживание. Я думала о Кае. О двери детских. О том, как слово “подождите” превращается в привычку.

— Хорошо, — сказал канцлер наконец. — Тогда сразу.

И я почувствовала: сейчас будет удар.

Канцлер произнёс имя ровно, почти буднично — как и всё здесь.

И это имя оказалось не новым звуком. Оно принадлежало человеку, который стоял рядом.

На секунду мир стал слишком чётким: стол, папка, печать, лицо Тормана, моя собственная рука, которая не дрогнула — и Кроуфорд.

Он не изменился внешне. Он не сделал шаг. Но в его лице появилась та самая микроулыбка — не счастливая, не тёплая, а точная. Как отметка, что удар пришёл туда, куда должен.

Я поняла: он знал.

Я поняла: он не остановил, потому что ему было удобно — увидеть, как я выдержу.

Я поняла: именно сейчас мне нельзя дать им увидеть трещину.

Внутри меня поднялась короткая паника — и тут же застыла холодом. Паника сказала: “всё”. Холод сказал: “держи”.

Я подняла взгляд на канцлера.

— Благодарю, — сказала я так ровно, будто это действительно благодарность, а не нож.

Торман улыбнулся — довольный, что я не закричала. Он любит, когда женщины не кричат: это значит, что можно продолжать.

Кроуфорд молчал. И его молчание было громче любых слов. Потому что он смотрел на меня, как на реакцию. Как на интерес.

Я заставила себя улыбнуться чуть-чуть — тонко, как умеют те, кто пережил слишком много “порядка”.

— Вы выбрали быстро, — сказала я канцлеру. — Переходный период, должно быть, делает чудеса.

Торман чуть напрягся: это была колкость, но в рамках приличия. Он не мог обвинить меня в скандале.

Кроуфорд в этот момент снял очки и снова надел их — медленно. И в этой медленности было столько контроля, что мне захотелось ударить. Не физически. Словом.

Но я держала. Потому что на кону были детские.

И я знала: ещё не всё. Канцлер сейчас скажет вторую часть пакета — регентство. И вот тогда поле окончательно сменится.

Торман перешёл к следующей строке так, будто читает один и тот же документ, просто разными абзацами.

— В связи с тем, что наследник мал, — произнёс он, — И в интересах стабильности, Корона назначает регента...

Я не отводила взгляд. Я знала, что имя прозвучит снова.

Имя прозвучало — и теперь оно имело два значения.

Регент.

Не “в будущем”, не “к полудню”, не “после церемонии”. Здесь, в бумаге. Здесь, в комнате. Здесь, в том, как Канцелярия вдруг стала осторожнее.

Торман улыбался, но в улыбке появилось новое: он старался показать, что это всё равно его кабинет, его процедура, его печать. Он пытался удержать роль “я управляю”.

Кроуфорд не помог ему. Кроуфорд вообще не играл в кабинет. Он просто стоял — и кабинет уже был его.

Я почувствовала странную вещь: вместе с холодом внутри появилась мысль, почти непозволительная — если он регент, то “подождите” можно прекратить не просьбой, а приказом. Если он регент, то Фрида Брин — просто функция. Если он регент, то Канцелярия не сможет играть в регента дальше.

И тут же — другая мысль: если он регент, то он может сделать со мной всё то же самое, что Канцелярия. Только быстрее.

Я посмотрела на него. Он поймал взгляд. Не улыбнулся. Но в его глазах было ясно: он понимает, о чём я думаю.

Торман закончил формулировку и поднял глаза на меня, ожидая правильной реакции.

Я не дала реакции.

— Хорошо, — сказала я. — Теперь вы называли регента. Теперь вы называли кандидата. Теперь давайте поговорим о детских.

Торман моргнул. Он хотел, чтобы я говорила о браке. Чтобы я стала “женщиной”. Я осталась матерью.

И это было моим единственным рычагом, который они пока не могли отнять.

Я стояла и думала о Кае — как о живом якорю. Ребёнок спит в детских, пока взрослые делят его мать, как территорию. Ребёнок дышит, пока взрослые произносят “стабильность”. И от этого хотелось смеяться и плакать одновременно.

Торман произнёс ещё пару фраз — о “процедуре”, о “сроках”, о “формальностях”. Я слушала их как шум. Я слышала только то, что важно: регент — он. кандидат — он. Ключи сейчас у Канцелярии. И если я не отобью “подождите”, завтра мне будут говорить “нельзя ночью”.

Я подняла взгляд на Кроуфорда.

— Значит, — сказала я, и голос мой был спокойный, — Вы одновременно ключи и замок. Это была колкость. Не скандал.

Он выдержал паузу — ту самую, в которой он словно пробует, где у меня треснет.

— Я одновременно порядок и риск, — ответил он так же спокойно.

Слова прозвучали как признание. И от этого стало хуже: он не притворяется.

Торман попытался вернуть себе роль:

— Ваше величество, это союз...

— Это договор, — перебила я.

Канцлер улыбнулся напряженно.

— Разумеется. Договор.

Я знала эту улыбку: когда люди думают, что всё уже закрепили, и ты просто произнесла правильное слово вслух.

Но я смотрела не на него. Я смотрела на Кроуфорда. Потому что именно он сейчас решал, станет ли этот “договор” клеткой или щитом.

И я увидела: он слушает не канцлера. Он слушает меня.

Как в прошлый раз. Только теперь вокруг не учебные аудитории, а детские и корона.

Он наконец заговорил так, что канцлер перестал быть главным звуком в комнате.

— Канцелярия любит играть в регента, — сказал он.

Он произнёс это ровно, без злости, без упрёка, как будто констатировал погоду. Но канцлер напрягся, потому что в этой констатации было больше власти, чем в его печати.

— Я пришёл забрать у них ключи, — продолжил Кроуфорд.

Торман улыбнулся, будто это шутка. Но улыбка вышла деревянной.

— Милорд, Канцелярия действует...

— Я знаю, как действует Канцелярия, — оборвал Кроуфорд.

И всё. Дальше объяснения не требовались.

Он перевёл взгляд на меня.

— Ты сегодня слышала “подождите”, — сказал он.

Я не отвернулась.

— Да, — ответила я.

— Я знал, что они полезут, — сказал он. — Не остановил. Теперь остановлю.

Он сказал это так буднично, будто это самый нормальный порядок действий. И в этом была мерзкая честность: он не строит из себя спасителя. Он строит из себя управляющего.

Я почувствовала злость — и удержала её.

— И зачем мне вам верить? — спросила я.

— Не верь, — ответил он. — Используй.

Торман хотел вставить слово, но не нашёл места. Его кабинет вдруг перестал принадлежать ему.

— Ты мне за это ничего не должна, — добавил Кроуфорд.

Он сказал “ты” так, будто имеет право. И я ненавидела, что часть меня — та, которая помнит резонанс — отозвалась на это слишком быстро.

Я сделала вдох.

— Если вы забираете ключи у Канцелярии, — сказала я, — это не делает вас их владельцем.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовольствие. Не садизм. Признание: да, она держит границу.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда будем говорить как взрослые.

Канцлер Торман попытался улыбнуться так, будто он всё ещё дирижирует.

Но дирижировал уже не он.

Кроуфорд не стал добивать Канцелярию словами. Он просто повернулся к двери внутреннего кабинета канцлера — той, что обычно закрыта для чужих ушей.

— Здесь слишком много стен, — сказал он.

Торман напрягся.

— Милорд, мы можем обсудить...

— Нет, — сказал Кроуфорд.

Одно слово. И канцлер замолчал.

Кроуфорд посмотрел на меня:

— Формальности — наедине.

Это не прозвучало как приглашение.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается: часть меня хотела уйти прямо сейчас, хлопнуть дверью, забрать Кая и исчезнуть. Но дворец не отпускает исчезающих матерей. Дворец любит оформлять их “в интересах государства”.

И еще я знала: если я сейчас уйду, я оставлю детские Фриде Брин. Я оставлю “подождите” без ответа. Я оставлю свою фамилию в чужом документе без торга.

Я перевела взгляд на канцлера.

— Вы закончили? — спросила я.

Торман улыбку натянуто.

— Разумеется, ваше величество. Мы продолжим...

— Мы продолжим без вас, — сказал Кроуфорд.

И это прозвучало так, что канцлер не нашёл ни одной “процедуры”, чтобы возразить.

Я посмотрела на Кроуфорда и сказала ровно:

— Хорошо.

Он открыл внутреннюю дверь — как человек, который открывает следующий этап игры.

И я шагнула туда, понимая: сейчас начнётся торг не за украшения и не за свадьбу. За ключи. За ночной доступ. За право быть матерью без списка.

И ещё — за то, чтобы меня больше не использовали как доказательство “правильного порядка”.

Мой брак с Эйнармом когда-то был их идеальной картинкой: смотрите, ведьма на троне — значит, всё под контролем, всё законно, всё безопасно.

И вот теперь они снова пытаются сделать из меня картинку — только уже другую, ещё удобнее: жена регента, мать наследника, женщина в правильной клетке.

Я до сих пор не привыкла к одной мысли: из всех возможных имён они назвали его. Не чужого. Не случайного. Того, от чьего присутствия у меня магия становится слишком ровной — и от этого хочется выругаться и отступить одновременно.

И в голове всё время стучало одно, злое и удивленное: сколько стоила эта связка — пост регента и я рядом?

Внутренний кабинет был меньше и тише. Здесь воздух не разносил слова так легко. И от этого стало страшнее: в маленьких комнатах правда звучит громче.

Кроуфорд закрыл дверь. Щелкнул замок — негромко, но достаточно, чтобы я почувствовала: теперь свидетелей меньше. И значит, цены будут называться честнее.

Я осталась стоять. Он тоже. Мы не селились — как будто оба понимали: это не разговор “за столом”, это разговор “на границе”.

Он снял очки медленно, будто это часть ритуала. Без очков взгляд стал прямее. Не теплее. Прямее.

— Ты держись, — сказал он.

— Я выживаю, — ответила я.

Он сделал шаг ближе — ровно настолько, чтобы резонанс внутри меня снова попытался поднять голову. Я удержала дыхание, как держат дверь при сильном ветре.

Он видел. Конечно, видел.

— Дорогая, — произнес он.

Слово легло между нами как метка. Не ласка. Проверка: дрогну ли я, если он позволит себе это.

Я не дрогнула. Я просто почувствовала, как магия внутри тянется к “ровности”, будто это спасение. И тут же — как внутри поднимается ярость: я не обязана спасаться через него.

Он смотрел так, будто знает это лучше меня — и от этого хотелось отступить, но я не отступала.

— Мы поговорим о формальностях, — сказал он, спокойно, без нажима. — Потому что “формальности” сейчас — это не брак и не титулы. Это твой доступ к детским. Твоё право войти ночью без “подождите”. Твоё право быть матерью без списка.

Он сделал паузу, и в этой паузе не было угрозы — было то, что хуже: ясность.

— Я заберу у Канцелярии этот рычаг, — продолжил он. — Но мне нужно, чтобы ты не воевала со мной и одновременно с ними. Не уступала — не ломалась. Просто была на одной стороне.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Потому что он не торговался ребёнком. Он предлагал контракт: ответственность в обмен на участие.

За стенами дворца жил мой единственный аргумент, который нельзя положить на стол — сон Кайрена. И от этого любой разговор о “формальностях” становился не бумажным, а кровным.

— Говорите, — сказала я наконец.

Он улыбнулся на миллиметр — не доброй улыбкой, а точной.

— Я буду говорить, — сказал он. — А ты будешь решать, на что готова ради того, чтобы завтра у двери детских больше не звучало “подождите”.

И в эту секунду я поняла: это не про нас. Это про контроль. Про ключи. Про мою свободу — и про то, сколько её я сумею удержать, соглашаясь на сделку, которая выглядит спасением.

Глава 8

Кроуфорд снял очки, протер стекло без спешки, будто это его способ выстроить паузу, а потом снова надел. Я поймала себя на раздражении: даже его бытовые жесты были рассчитаны.

— Начнем, — сказал он.

Не “можно”, не “если вы позволите”. Факт.

Я кивнула, не давая ему удовольствия увидеть, как мне хочется выдохнуть. Я держала в голове одну дверь — детские. Любая формальность, любой пункт, любой разговор сегодня имел смысл только через неё.

— Вы сказали: формальности, — произнесла я. — Значит, давайте без красоты. Меня интересуют ключи. И ночи.

Он не улыбнулся, но его взгляд стал внимательнее.

— Я тоже не люблю красоту, — сказал он. — Она мешает видеть.

— Отлично, — ответила я. — Тогда начнём с того, что вы не будете называть милостью то, что и так должно быть моим правом.

Он чуть приподнял бровь — на миллиметр.

— Ты быстро переходишь к условиям, — сказал он.

— Я быстро теряю привычки, — сказала я. — И не собираюсь терять их дальше.

Пауза вышла тяжелой. Я чувствовала внутри себя глухое дрожание — не эмоции, а тело, которое до сих пор не отпустило утро у двери детских. Он смотрел так, будто слышит это дрожание так же ясно, как мои слова.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Договоримся о правилах.

Слово “договоримся” прозвучало почти неправильно в его голосе — слишком по-человечески.

— Не “договоримся”, — поправила я. — Вы озвучите. Я приму или откажусь. И мы посмотрим

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.